ПИОНЕР

5

МАРТ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПИОНЕРЫ О „ПИОНЕРЕ“

Хороший ли журнал „Пионер“?

„...Я уже получил первый номер „Пионера“ и был ему рад, как приезду близкого товарища. Он близок тем, что считается с мнением и строится на отзыве и самодеятельности ребят. Как заманчиво—все, что только тебя интересует, может быть напечатано на страницах „Пионера“.

Из письма Вс. Бессонова—г. Кашин, Тверской губ.

„Пионер“ я выписываю с 1927 года; как видите, подписчик я еще „молодой“. Но за этот год я сроднился с „Пионером“, привык с нетерпением ждать каждый его номер и с жадностью набрасываться на него. „Пионер“ дает занимательный литературный материал и массу практического материала.

„Пионер“ нравится мне еще тем, что на его страницах печатают свои стихи крупнейшие современные поэты, как например, Маяковский и Жаров. Художественное оформление журнала тоже хорошо. Ценно то, что в нем принимают участие такие известные художники, как Моор, Елисеев, Ефимов. Лучшие иллюстрации—художн. Кузнецова и Покровского“.

Из письма В. Егорова—г. Кашин, Тверской губ.

„Журнал „Пионер“ я выписываю с 1926 года. Он мне очень нравиться, и я его выписываю на 1928 год. Если сравнить 1926 г. и 1927 г., то 1927 г. куда лучше“.

Из письма Оксаны Сапоненко—хутор Выдумка, Брянской губ.

ПОЧЕМУ ЭТИ РЕБЯТА.....

Потому, что они...

„Журнала не выписывал никогда. Выписать журнал лично на себя нет средств, а читать—аккуратно читаю. Отряд выписывает—ношу на дом, читаю. Читаю вслух, громко маме, отцу и братишкам. Мои родители очень интересуются чтением“.

Из письма Анатолия Абрамова—дер. Верхне-Семеновская, Сев.-Двинской губ.

Алло! Звену „Красный Пионер“

„Я всегда жду журнала „Пионер“ с нетерпением и всегда, как только получаю, так ищу „Дневник звена“.

— А, есть! — восклицаю я и

...НЕ ОТКЛИКАЮТСЯ.....

...получили новый номер „Пионера“...

начинаю с жадностью читать. Когда читаешь — прямо слюнки текут: „А, ну, что дальше будет?“.

Ну, а дальше много смеха, живот поджимаешь от смехоты, да как не смешно, когда Коля Солнцев предлагает в будущий клуб пионерский впустить акул?! Смехота!

А Коля Шамет вздумал закрасить оконные стекла красной краской.

— Авось, мол, хорошо будет.

Но вышло наоборот.

— Ха-ха-ха!

Но кроме смешного есть и полезное, хорошее, как например, звено делало вещи... Мой товарищ читал „Дневник звена“, и вдруг:

— Петюха! Давай и мы попробуем сделать прибор для приема сигнализации. Или мы не сумеем? Что мы хуже, что ли, их?

....КОГДА ИХ ЗОВУТ?

...и не могут от него оторваться

— Эх, и верно, давай! — просиял я. Бросили другие дела и принялись работать. Прибор готов.

— Слушай, давай и ящик для мусора сделаем, - говорю я,—ведь его придумал Сережа Федосейчиков, младший брат, надо его удостоить, провести в жизнь его изобретение.

Скоро был и ящик готов.

Теперь весь мусор в него бросают.

Шлю благодарность звену „Красный Пионер“.

Письмо Петра Толпегина — Сормово, Нижегор. губ.

Что дает „Пионер“ ребятам?

„Без всяких других пособий научился играть в шахматы исключительно по журналу „Пионер“. Также хорошим пособием в изучении сигнализации послужил № 21 „Пионера“. Из 17-го номера журнала „Пионер“ мы показали опыт с яйцом в графине на отрядном вечере“.

Из письма Льва Васильева—г. Москва, 72-й отряд.

„Выучился играть в шахматы. Сделал противогаз, который отослал на конкурс, организованный вами. Сделал действующую модель турбины“.

Из письма А. Шубочкина—с. Сараи-Рязанские, Рязанской губ.

„Организовал записную книжку—она дает очень много пользы. Мои товарищи по отряду последовали моему примеру — теперь все в нашем отряде ее имеют“.

Из письма Саши Теплицкого—Гайсин, Под. губ.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Нов. площ., 6/8.
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 5 МАРТ 1928 г.

ДЕТСТВО ДЭН ШИ-ХУА

Главы из книги С. ТРЕТЬЯКОВА
«Биография китайского студента»
Рисунки художника ЛИУ - ЛИН

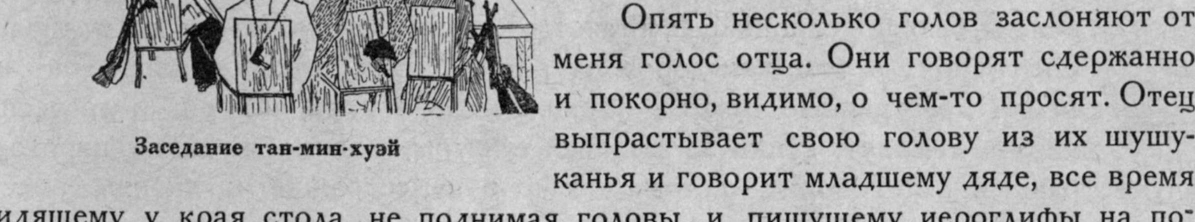
(Продолжение)

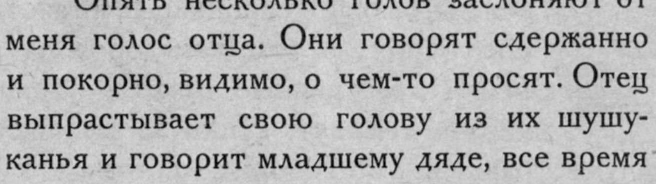
Когда рапорта окончены, отец говорит:

— Надо готовить Кай-шань — „Высокую гору“ — общее собрание союза. Пусть местные отделы го-лао-хуэй уже выбирают делегатов. Гору, на которой будет происходить Кай-шань, мы наметим вместе со старшими братьями и сообщим вам. В этом году Кай-шань будет в глухом месте, потому что сейчас для нас самое страшное — провалить свержение Цинов. В повестке Кай-шань только один вопрос — восстание.

Заседание тан-мин-хуэй

Опять несколько голов заслоняют от меня голос отца. Они говорят сдержанно и покорно, видимо, о чем-то просят. Отец выпрастывает свою голову из их шушуканья и говорит младшему дяде, все время сидящему у края стола, не поднимая головы, и пишущему иероглифы на полосках бумаги:

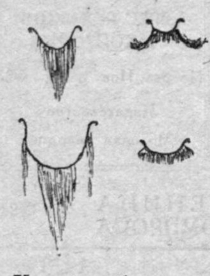
— Ти-пу, их уволили со службы. Распорядись выдать им денег. Заодно напомни братьям, — и отец называет две очень почтенных в Сиань-Ши фамилии, — что Да-Го уже два праздника от них не получил подарков. У них достаточно денег, а в наши дни необходимо быть аккуратными.

Тут только я понял, что значат те приношения, которые в корзинах, плетенках и свертках ежедневно текут в наш дом и оседают грудами фруктов, зерна и тканей в кладовых нашего полунищего дома. Это казна Да-Го, казна первого старшего брата восточного отдела го-лао-хуэй.

Встает один из сидевших вокруг стола. Он худощав, большие очки поблескивают под его лбом. Он называет фамилию человека, который просит о приеме в союз старших братьев. Он за этого человека ручается, как за себя самого. Он надеется, что Да-Го поддержит перед собранием ходатайство.

Но прежде, чем отец успевает сказать слово, перед очкастым возникает маленький и толстый. Мне кажется, что я его видел, мне кажется, что это торговец.

Он не говорит, а лает; так лают осипшие толстые собаки.

Усы и бороды помогали революционерам скрываться от императорской полиции

— Нельзя принимать, нельзя принимать. Только новорожденным неизвестно, что жена его путается с актерами, которые так часто во время его служебных поездок приходят к нему в дом давать спектакли.

Отец пробует перебить лай.

— Я знаю, он из хорошей семьи, и отец и дед его были чуть ли не единственными чиновниками, за которыми не значится взяток и наказания невиновных...

Но лай продолжается.

— Все ему кричали — разведись, разведись, отправь жену обратно в семью ее родителей. И у этого человека хватает бесхарактерности держать при себе этот двуногий позор. Он сделан из воска, а член общества старших братьев должен быть приготовлен из железа.

Очкастый сверкает очками и садится. Из толпы выделяется плечистый детина в шелковом черном тюрбане. Я вижу рукояти двух ножей, торчащих у него за пазухой. Он осторожно опирается кулачищами об стол, точно боится продавить столешницу, и говорит отцу:

— Сборщик податей с кассой поедет из северных уездов через четыре дня. Мои люди возьмут его в ущелье. Куда доставить деньги? В Тей-ань или сюда?

— Сюда.

— А какую часть этих денег мне раздать моим людям?

— Когда деньги будут принесены — поговорим.

Отец подымается. Он рассказывает историю манчжурской династии. Манчжурские войска, беря приступом города, верные китайской династии Мингов, вырезали все живое в этих городах—до последнего ребенка, до последней собаки, до последней курицы. Он рассказывает про сильное государство на Восточных островах—Японию, у которой окованные сталью корабли и войска, бьющие европейцев, и газеты, которые читают сотни тысяч людей. Он говорит о том, как дорожает рис в Китае, потому что из китайской земли драгоценные товары—уголь, железо, хлопок, чай, рис и древесное масло—вывозят, купив за медные тунзуры, жадные и емкие пароходы чужестранцев. Он говорит о том, как эти чужестранцы и японцы вместе с ними отрывают от мяса китайской земли один город за другим, одну провинцию за другою, что уже китайские железные дороги принадлежат иностранцам, что в китайских таможнях сидят иностранцы и что китайские деньги идут в карманы иностранцев.

Коробка с гримом

— Вы не забыли,—говорит он,—что сделали канадские миссионеры с братом Дин? Они купили у него землю под свою церковь. А когда Дин принес в банк полученные кредитки — бумажки оказались фальшивыми. На суде канадские священники улыбаясь говорили, что Дин врет, что он получил хорошие деньги. Судья ответил Дин: „Я бессилен взыскать с иностранцев. Такова ваша злая судьба. Не могу вам помочь“. Я остановил Дин, когда он собирался броситься в реку. Я ему сказал: „Погоди, придет день и мы протащим канадских священников с улыбающимся лицом по той жесткой земле, которую они вымошенничали у тебя“.

Голос отца звенит злобой, понятной и простой. С канадцев, о которых я услышал ночью в прорыв окна, идет моя собственная ненависть к иностранцам.

Отца слушают в тяжелом, оплывающем воздухе тяжелые, серьезные головы людей. Мне кажется, что я в школе и слушаю рассказ учителя.

Книжка с картинками Ши-хуа

— Пока мы не сбросим манчжур Цинов, — говорит отец ясным и понятным голосом, — ничего не изменится в страшной судьбе китайского народа.

Он быстро выдергивает из черной куртки черные карманные часы. Это конец заседания.

Пока меня не растоптала зашевелившаяся толпа, пока невыносимые суровые отцовские глаза не остановились на мне, я улепетываю двориком, лестницей, проходной гостиной за дверь, под полог, в мягкое ватное одеяло, ближе к маминому дыханию.

Далеко-далеко над Сиань-Ши сторож бьет в стонущий гонг пять ударов последнего ночного раздела.

Одежда китайца-крестьянина

ПЕРВОЕ НАКАЗАНИЕ

Дядина школа — запущенный храм.

На одной половине священник со своими смирными деревянными богами в стойлах. На другой — дядя с нашим гамом и чтением нараспев. Мы занимаемся на террасе, огороженной каменным узором, откуда плиты лестницы спускаются во двор, протискиваясь между двумя непомерными тюльпанными деревьями, чьи четырехпалые листья — как след невиданного животного.

Я только что взошел на эту террасу вместе с двоюродным братом Чжаном — тем самым, что мастерит духовые ружья.

Ясный холодок осени. Я ежусь в ватном халате. Меня не тянет к книге. Сегодня ночью приехал отец из Тей-ань, поэтому все в доме нашем точно стало на ципочки и пошло как-то боком.

Четырехпалые лапы листьев блестят. Красные, они с легким звоном осыпаются с дерева.

Его туфли

Это интересно.

Из надрезов на коре течет густое масло — от него у деревенских женщин так пронзительно блестят, словно отлакированные, прически. Им натирают свои макушки скупые старухи, боясь разориться на волосяной крем.

Смотреть на масло — это тоже интересно.

Под вялый, пригашенный гул голосов класса, зазубривающего наизусть стихи и изящные древние прозаические тексты, мы глядим на летящие листья. Вот пролетело два, вот пять, вот один, вот стайка, которой и сосчитать нельзя. Считать, сколько пролетает листьев — это почти игра, это интереснее, чем стрелять из бамбуковой трубки...

—... Лентяи!

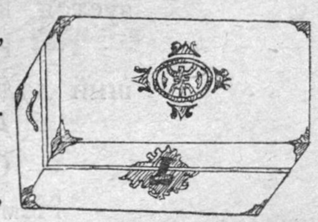
Оказывается дядя уже в третий раз произносит это слово над нашими головами. Я никогда раньше не видел, что у него может быть сердитое лицо.

— Я не желаю с вами заниматься, отправляйтесь домой! Пусть твой отец (мне становится совсем холодно), а твой дядя (двоюродный брат шарит глазами по террасе) сам поучит вас. Может быть вас интересует, как он относится к лентяям.

Мы долго засовываем книги в сумки, медля уйти с террасы, но дядя молчит.

Дорога длинна, двоюродный брат начинает рассказывать секретные сведения из биографии моего отца.

— Давно еще, когда он был учителем, все ученики его боялись, как дракона. Ясно, он будет нас бить, и бить круто. Надо принять

Ларек Дэн Ши-хуа

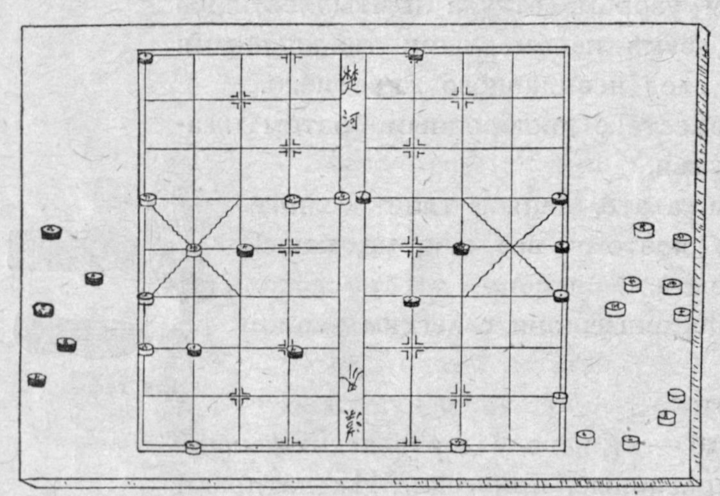
меры и спасти наши ладони от мучительной бамбуковой линейки. Вот план: на пристани стоит балаган; его построил человек, приехавший по Янцзе со зверинцем. У него есть медведь, потом животное с двумя горбами и птица, которая бегает как лошадь. Пойдем их посмотрим, выиграем время и вернемся домой как раз тогда, когда полагается возвращаться из школы. Отцу скажем, что мы отзанимались, а потом подкараулим на улице дядю и сообщим ему, что курс обучения с отцом мы прошли. Вот и все.

Я поражен талантливостью двоюродной стратегии. На пристани между сетей, просушивающихся на кольях, и опрокинутых днищами вверх лодок— балаган под нажимом берегового ветра надувает свои матерчатые щеки.

Мы входим, и сразу вылетает из нас и школа, и отец, и дяди, и листья, и наказанье.

В балагане два человека. Один так себе, в обычном халате. Другой в остром белом колпаке, а лицо его раскрашено такими черными и белыми узорами, точно это не лицо, а свадебный сундук.

Они друг с другом разговаривают явно неискренно, но зато длинно и витиевато. Мы их не слушаем. Мы интересуемся зверями.

Китайские шахматы

Первым—верблюд. Его водит мальчик, достающий верблюду до колена. Мы поражены—как может такой маленький мальчик водить такого большого зверя. Несомненно, этот мальчик особенный и ему суждено великое будущее. Если он таким крошкой водит, как хочет, за ноздри эту покорную тушу, то каким же героем он станет лет через двадцать, и как будут сверкать пятки варварских армий в ответ на сверкание его двух мечей. В каждой руке по мечу — это мы видели уже в бродячих театрах — высшая школа геройского фехтования.

После верблюда мальчик выводит страуса и садится на него верхом. Мы размечтались. Вот бы нам такую сильную птицу. Мы бы на ней каждое утро ездили в школу и даже не по очереди, а оба сразу.

Страус скрывается за таинственной холстиной. Взрослый скучный человек на лязгающей цепи, зацепленной за ошейник, ведет очень мохнатого и очень унылого медведя, выпускающего лиловый язык.

Совершенно неинтересно. Шерсти много и грязи много. Не нравится нам медведь.

Путь до дому легок и быстр. Врем отцу честно, открыто и с энтузиазмом.

— Урок кончился.

Отец спрашивает:

— Почему так рано?

Этого вопроса я не предусмотрел и у меня во рту немедленно образуется каша. Двоюродный брат отвечает вежливо:

— Именно потому так рано кончился, что вы, дядя, сегодня дома. Младший дядя отпустил нас до срока.

— А сколько вы прочли сегодня?

— Столько же, сколько и вчера, дядя.

Немедленно выбегаем на улицу, подкарауливаем младшего дядю, идущего большими шагами, и с веселыми лицами бросаемся к нему.

— Ну что? Поучил вас отец?

— Да,—хором отвечаем мы.

— И наказанье уже отбыли?

— Нет,—хором кричим мы.

Мы идем за дядей. Войдя в комнату, он прямо подходит к отцу с вопросом:

— Ну, как они вам читали?

— Так ведь ты же их учил, чего меня спрашиваешь?—удивляется отец.

— Сегодня они лентяйничали, а потому я их отправил домой к вам на расправу,—раскрывает дядя тайну.

Отец побелел.

Я только раз видел его таким страшным. Он сидел однажды за обеденным столом задумавшись. На стол вскочила испуганная чем-то курица. Отец вздрогнул, выхватил револьвер из кобуры и застрелил ее. Кропя кровью, курица металась по двору...

Руки отца нерасжимаемыми клещами схватывают нас с Чжаном за плечи. Он трясет нас и кричит:

— Негодяи! Лгуны! В старые времена в Америке Вашингтон из озорства срубил любимое дерево отца. Но когда отец, рассердившись, спросил, кто это сделал,—Вашингтон сказал правду, не боясь наказания. Почему ты солгал отцу? Как смел ты солгать отцу?—он хватает бамбуковую линейку и бьет нас по очереди по ладони левой руки. Особенно жестоко он бьет меня. Я кричу, и яростное лицо отца двоится, лучится, вспухает и дрожит, потому что нестерпимые слезы бегут из глаз.

Четыре дня я не могу в распухшую ладонь взять ни одной вещи.

И сейчас, когда мне доводится вытянуть перед собой раскрытую левую ладонь, я вспоминаю отцовский крик о Вашингтоне, свист бамбука и лицо моего двоюродного брата.

Недолго он пробыл в школе после этого. Он был способен, но слыл лентяем, а родители его были бедны, почти нищи. Скоро вместо школьной кисточки пальцы его сжали палочку для вылавливания кипящих коконов в шелкомотальной мастерской.

Только в трескучие, оклеенные красными приветствиями дни Нового года прибегал он ко мне и сразу зарывался в книги, о которых не переставал тосковать. О работе своей рассказывать он не любил. Она была ему противна.

С шелкомотальни он перебросился приказчиком в мелочную лавку, в город Чун-Цзин. Долгие годы был мальчишкой на побегушках, работал больше двенадцати часов в день, выгоняя в год три-четыре даяна.

В школе это был живой, ясноглазый, румяный сорванец. Лавка слизала румянец с его щек, сделала его тихим, как паутина; потухли его ясные, словно вода зимнего Янцзы, глаза.

Много позже, когда я уже собирался в университет, два генерала схватились друг с другом из-за города Чун-Цзина. Предчувствуя погром, который закатят городу победители, купцы попрятались, оставив за прилавками приказчиков. Победитель вломился в город и обложил все лавки данью, угрожая, если не заплатят, грабежом. Двоюродный брат внес из хозяйской кассы генеральскому сборщику сорок даянов дани.

А потом генерал ушел и вернулся лавочник. Он накинулся с руганью на приказчика, как смел тот платить деньги без его разрешения, он грыз его, издевался, грозил судом, называл вором, утайщиком, кричал, что выгонит.

Исполнительный хиляк заволновался, замучился, на другой день кровь пошла у него горлом. Через месяц он умер, как одинокая, заеденная тлями птица.

ЧТО РАССКАЗЫВАЮТ СТАРЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМСОМОЛЬЦЕВ

Рисунки художника Г. БЕРЕНДГОФА

СПАСЕННЫЕ ПАРОВОЗЫ

Н. ЗАРЕЧНЫЙ

Комсомольцам приходилось туго...

Собранный из добровольцев-комсомольцев отряд, имевший шуточную кличку „Дикой дивизии“, нес охрану на подступах к городу.

Ребята уже третьи сутки спали кое-как под мостами и в пригородных балках прямо на земле. Разобщенные друг от друга, стоящие на разных концах города, замученные беспрерывными набегами белых на город, непривычные к боевой обстановке—ребята хотели только одного: чтобы поскорее эвакуировался город, тогда можно выбраться в открытое поле, где все части маленького отряда будут вместе. Каждый мечтал увидеть своих товарищей, поговорить с ними.

Самому взрослому из нас было 20 лет. Остальные предпочитали молчать о своем возрасте, а когда отвечали, то прибавляли к своим 14—15 годам два-три лишних.

Хвастовство и разукрашивание самых обычных событий до размеров „мировых“, естественное для нашего тогдашнего возраста, приносило очень много хлопот штабу.

Бывало, поедет кто-нибудь за водой к речке, от которой мы стояли в двух верстах, и никто даже не подумает о том, что уехавший должен обязательно возвратиться из этого „рискованного предприятия героем“.

Через полчаса в маленьком отрядике поднимается тревога... Запыхавшись от быстрого бега, наш водовоз сообщает, что на той стороне реки казаки... он еле убежал от них, при чем если бы не ловкость и хитрость самого рассказчика — отряд остался бы не предупрежденным и его казаки взяли бы тогда голыми руками.

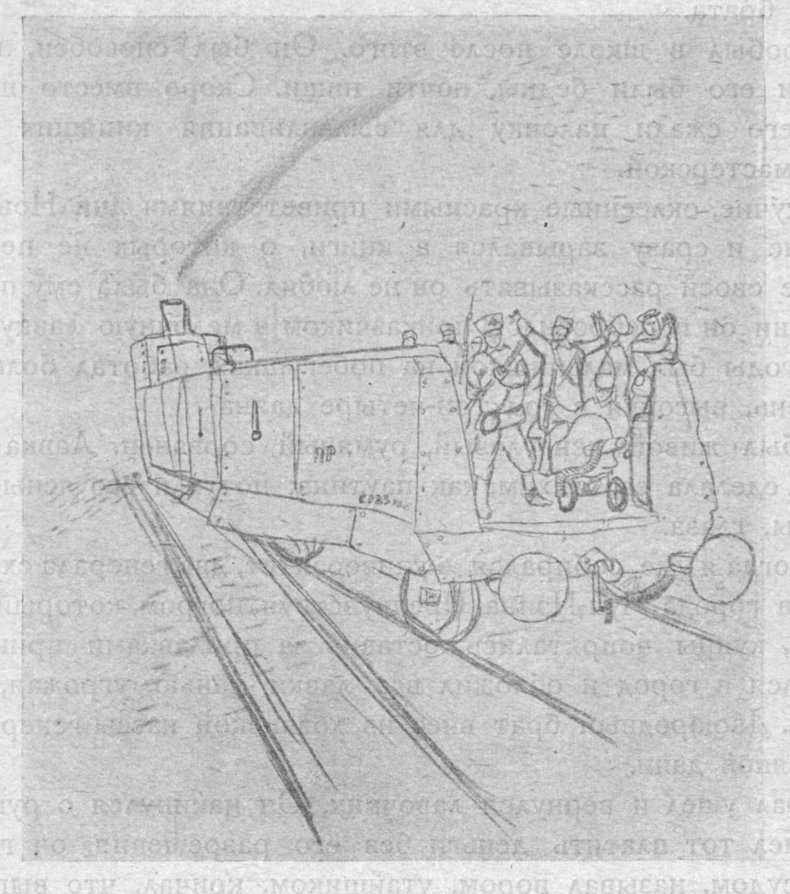
Что тут делать?

Дело обычно кончалось срочным донесением в штаб, который через некоторое время выяснял, что никаких казаков за речкой нет, а есть покосы крестьян, которых наш ретивый разведчик и принял за неприятеля.

Но вот пришло и время покидать город.

Белые стянули к городу многочисленные силы, и удерживать город не было никакой возможности. Со смешанным чувством покидали мы город, в котором мы родились и жили, в котором провели лучшие детские годы.

Многие бегали прощаться домой с родными, многие с любимой улицей, где прошла вся жизнь большинства из нас. У всех было такое чувство, что город мы покидаем навеки. Но плачущих и хныкающих не было. Это расставание с семьей, с родным городом и со своим домом было таким большим потрясением для всех нас, что можно без преувеличения сказать, что все мы стали значительно старше и как будто бы сразу выросли.

Мы забрались в бронированное чудовище и поехали за забытыми паровозами

Отступив пешком верст на 20 от города и укрывшись на территории сахарного завода, отряд заснул крепким сном.

Не знаю, сколько нам пришлось спать, помню только, что я и мои товарищи были разбужены рослым красноармейцем, который спросил начальника. Роль начальника выполнял я.

Отведя меня в сторону, красноармеец, как оказалось потом—командир бронепоезда, сообщил мне, что только что состоялось совещание штаба, на котором было решено двинуть в покинутый город его бронепоезд с целью вывести со станции забытые там в суматохе три совершенно исправных паровоза. Белым они не должны были попасть в руки. Для помощи ему давали наш отряд. Прибыв на станцию, мы под прикрытием бронепоезда должны были набрать поездную прислугу, развести топки и доставить их на ту станцию, где мы стояли.

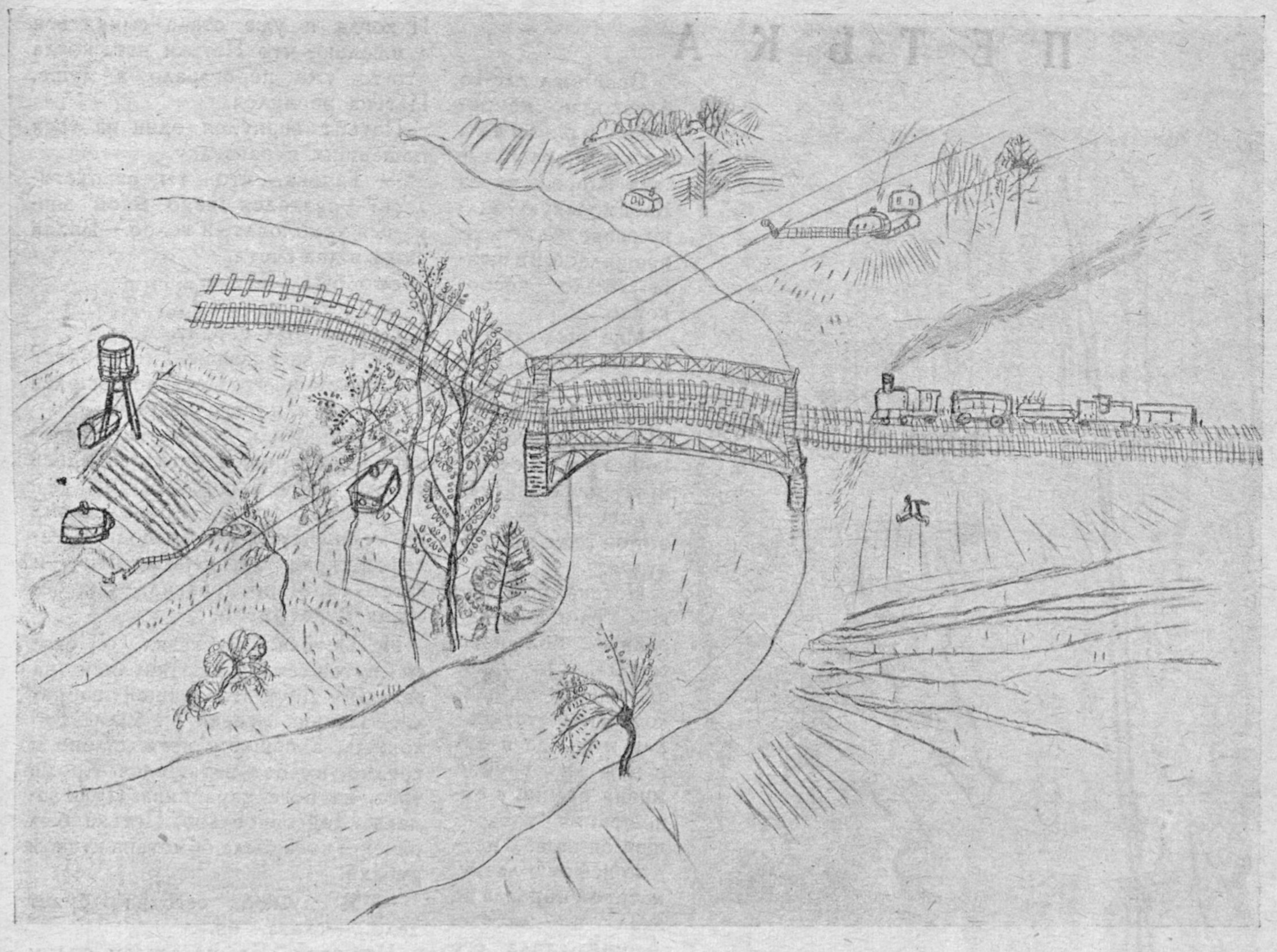
Нас выбрали для этой цели потому, что все мы почти что или сами работали учениками на „железке“, или же там работали наши братья и отцы. Так что железнодорожников мы знали наперечет.

Задание было важное и серьезное...

К тому же никому в точности не было известно, вошли ли уже в город белые или нет.

Вернувшись к ребятам, я застал их на ногах.

Когда я вошел, наступила тишина... Мою краткую информацию ребята прослушали с напряженным вниманием. Я просил остаться тех, кто боится. Ни один человек не захотел остаться. В наступившей вечерней темноте мы быстро погрузились на платформы и тихо-тихо тронулись в путь... Занятые рассматриванием новой для нас диковинки—броневого чудовища, мы не заметили, как подползли к мосту через речку... В тишине явственно слышен был мой разговор с командиром.

Белые еще не успели разобрать путь, и мы поехали к станции

— Надо перейти через мост и пройти до станции 3 версты пешком, узнав поврежден ли путь,— отдал мне приказание командир...

Через час, растянувшись цепью по полотну, мы донесли, что путь исправен. Бронепоезд двинулся дальше.

Станция и город молчали.

Красные ушли, а белые, видимо, еще боялись войти в покинутый город. Жители отсиживались за наглухо закрытыми дверями и ставнями.

Странно нам было проходить по вымершим улицам,—нам, которые видели эти улицы такими оживленными и шумными во времена наших детских игр... Казалось, что своим молчанием наша родная улица, ставшая такой непонятной, грозится нам.

Наши знакомые и даже родные — железнодорожники весьма были удивлены, когда нам пришлось снова встретиться.

Как ни мало прошло времени с момента нашего отхода, а в городе уже успел распространиться слух, что казаки подле ст. Г., где стояли мы, вырезали всех комсомольцев.

Взрослые, бородатые рабочие, у которых в отряде находились сыновья или племянники,—радостные тем, что мы живы и здоровы, смущенно об'ясняли нам, что они в эти бабьи сплетни никогда не верили.

Однако, как ни храбрились дяди, а все-таки им пришлось туговато, когда семьи с криком и плачем кинулись прощаться с ними... А мы стояли в стороне строгие и хмурые... Прежней жалости уже не было, в боевой обстановке мы ее быстро теряли и сами только удивлялись тому, как быстро мы входим в роль настоящих бойцов, которым не пристало ничему удивляться...

После, когда мы уже с помощью собранных железнодорожников выводили паровозы из депо, удалось увидеться со всеми ребятами. Меня, помню, особенно поразила какая-то спешка, царящая кругом... чувствовалась близость противника. С рассветом появились первые тревожные вести о казачьей разведке, которую видели у моста.

Все боялись, что обратный путь нам уже отрезан. Двинулись мы из города в полной боевой готовности, готовые каждую минуту спустить с цепи наших злых собак — пулеметы. Слухи оправдались... У моста нас обстреляли... Беспорядочная стрельба, которую мы открыли в ответ, выдавала одновременно нашу нервность и страх перед врагом, численность которого нам не была известна. К нашему счастью, белые еще не успели разобрать пути, и мы проскочили через цепи противника.

С грохотом и шумом пронесся мимо них наш транспорт. Первое боевое крещение мы уже имели за своими плечами. Впереди предстояли трудные и страдные дни борьбы с белогвардейщиной.

К этим дням везли нас спасенные нами паровозы.

ПЕТЬКА

Т. Л.

Под вражьими пулями красноармейская цепь перестраивалась

Солнце было нестерпимым. Воздух был раскален, и прямые лучи огненного шара растапливали и сжигали нас.

Несноснее всего было то, что в местечке, где стоял наш полк N-ской дивизии, нет ни кустика зелени. Пески, пески и одинокие постройки.

Время было жаркое и в буквальном и в переносном смысле слова. Белая армия тогда еще одерживала победы и теснила нас за Уфу. Кругом горели пожары, и передовые раз'езды неприятеля нагло рыскали возле нас, захватывали наших разведчиков и наводили панику на наших уставших и растерявшихся в отступлениях бойцов.

Только сегодня утром в овраге мы нашли двух наших кашеваров, ездивших в соседнюю деревню за провизией, зверски убитыми.

Отовсюду шли нехорошие слухи. Точных сведений мы почти не имели и находились как на вулкане.

Враг был где-то близко, но не подавал признака жизни. Вчера ушедшая вперед через Касимовскую балку разведка не возвращалась, и в штабе было неспокойно.

Мне было очень не по себе. С разведкой, ушедшей вчера в ночь, ушел и Петька. Мой большой армейский друг, младший товарищ Петька. И вот он тоже не вернулся.

Петька был сыном рабочей окраины большого города. Он ушел с нами из города, когда мы отступали, и у нас в суровой и грубой жизни армии, в отношениях товарищей он нашел первую нежную ласку, которой никогда не знал в детстве. Армия стала его семьей.

Мы крепко сдружились с Петькой. Самые молодые, еще совершенно дети, единственные такие по возрасту в полку—мне 16, ему 14—мы не могли не подружиться. Особенно нас сблизило такое странное в военной обстановке обстоятельство.

Петька писал стихи. Вообще это была огромная тайна, так как было, по мнению Петьки, что-то позорное в том, что красный боец может заниматься такой „мурой“, но желание писать было выше этих суровых рассуждений, и Петька писал стихи, сохраняя это в большой тайне.

Я открыла эту тайну, поклялась „революцией“, что никто не узнает о Петькиной слабости. С тех пор я получила полный доступ к поэтическим пробам Петьки. Отсюда началась наша дружба. И сегодня, когда в штабе Надя сказала Михалевичу—нашему командиру: „Нет, они не вернутся“—я поняла, что это значит, когда люди говорят „сердце обливается кровью“.

— Да, они не вернутся,—думала я и бесцельно слонялась по двору. И когда я уже стала смиряться с мыслью, что Петьки нет, когда что-то уже перегорало в душе, Петька вернулся.

Петька вернулся один из трех пошедших в разведку.

— Танька, что ты скапустилась?—раздался надо мной знакомый хрипловатый голос.—Валяй сюда в два счета.

Это был Петька.

— Петь, как же?..

Петька был сердит.

— Что за раззявы. Где ребята?

Оказалось, что Петька прошелся околицей и никого не видел.

— Все ушли хоронить погибших кашеваров, и осталась здесь только я... у телефона.

— У телефона... — передразнил он меня.—Этак у тебя, поди, и телефон украдут, ты не заметишь,—и затем серьезно добавил:—Ну, сегодня будет дело.

И Петька рассказал о своем путешествии. Наткнулись на раз'езд. Двух товарищей забрали, Петька удрал. Убили его лошадь, а пешком итти далеко и трудно, ну вот и тащился. Кроме того, на ноге царапинка. Пуля задела. Действительно, Петька был ранен—нога была обмотана куском рубахи.

— Я думаю, сегодня будет дело...—сказал он.

Что это?.. Где-то совсем рядом раздался выстрел. За ним—другой. Мы выскочили на крыльцо. Опять выстрел, звон подков. Мимо по улице промчался наш постовой Иванчук, на-ходу стреляя из винтовки.

— С поста...—проборматал изумленно Петька. — Значит идут.

И как бы в ответ на это где-то затрещал пулемет. И с другой стороны от оврага дали два залпа. Это отвечали наши.

— Скорей телефон, бумаги...

Пока Петька извещал по телефону соседнюю часть, а я рассовывала по карманам бумаги из стола, где-то уже совсем близко завязалась перестрелка. Взяв стоявший у дверей пулемет, мы кинулись к выходу. На улице никого не было, но стоял несмолкаемый гул от выстрелов, чьих-то криков, и приближающийся топот говорил, что вражья конница уже в деревне. Пробежав шагов триста, мы наткнулись на наших ребят. Их было человек двадцать. Они первые прибежали на выстрелы. Но теперь выстрелы раздавались со всех сторон, и было неясно, куда двинуться. Минуту-две мы оценивали положение и решили итти налево к околице,

за луговину, где несомненно должны быть наши. Мы должны присоединиться, иначе будем отрезаны—и прямо ни за что пропадем. Мы двинулись налево. Пулеметы трещали отовсюду.

Наконец, когда мы вышли за овины, то увидели первые цепи своих.

В цепи было какое-то движение. Красноармейцы перебегали с места на место. Цепь перестраивалась, брала направление влево в обход. Нас разделяло расстояние саженей в 50, не больше. В перебежку через луговину. И вот оттуда-то, справа, нас заметили, открыли огонь. Слышно было, как зажужжали пули, кто-то крикнул, захрапел, забился рядом.

— Ложись! — крикнул во всю мочь один из красноармейцев.

Все легли, с размаху упали.

Я глянула на Петьку. Он был бледен и лицо его было покрыто бисерным потом. Его широко раскрытые серые глаза как будто ничего не видели перед собой. Стрельба утихла.

— Бегом!..—раздалась снова команда. Мы опять вскочили. Опять торопливо зажужжали пули. И опять „ложись!“ и снова бегом. До нашей цепи осталось совсем незначительное расстояние. На душе стало веселей.

— Петька!—обернулась я.—Ну и попали в переделку.

Петька не отвечал, он уткнулся носом в землю и, казалось, важно рассматривал что-то, а по шее, по воротнику рубахи от затылка тянулась красная ниточка.

— Петенька, тебя ранили?

Петька молчал.

В тот же самый момент раздалась команда „бегом!“ Мы преодолели последнее расстояние и залегли вместе с цепью у оврага. Где-то сзади ухнула пушка. Это на помощь нам подходила вызванная Петькой часть.

Петьки с нами не было. Он был убит белогвардейской пулей.

И после долгие месяцы ходило по рукам в полку его коротенькое наивное стихотворение, случайно оставшееся у меня, которое так живо напоминало о нем самом:

Он был еще молод,
Но все же был храбрецом,
Не страшны ему голод и холод,
Их он встречал с ясным лицом.
Он погиб от вражеской пули,
Защищал рабочий люд.
Когда будет наша победа,
Про него эту песню споют.

НА ФРОНТ!

В. КРАСНЫЙ

В конце города, около железной дороги, косяком расположились две грязные, бедные улички и образовали большую угловатую поляну. В середине поляны было глубокое родниковое озеро в телеграфный столб глубины. Ветвистый, кудрявый круг старых ив окружал озеро. На крутом берегу приютился небольшой каменный дом. А над самой водой торчала деревянная будка—„водокачка“.

Жил на водокачке худощавый, мускулистый машинист Макар.

Все в слободе его любили и говорили: „Хороший Макар человек, образцовый!“ Не любил его в сло-

Писец не хочет нас записывать в отряд — говорит: „молоды“

боде только лавочник-молоканин Быков. Он всегда его ругал и говорил: „Макар ваш—социалист“. Зато мы благоговели перед Макаром и считали его своим „божком“.

Он был нашим мудрым судьей и учителем. Охотно напустит нас в машинное отделение и начинает об'яснять, рассказывать.

Не всегда и не все ночи Макар спал. Только в 17 году, когда мне стало 14 лет, я узнал, что Макар анархист-социалист.

Пришел 1917 год.

И вот слободка необычайно оживилась, засуетилась. Бегут, останавливают друг друга, быстро и полушопотом говорят: „Свергли царя? Нет царя? Революция“. К вечеру приехал поезд. Высадились матросы с револьверами, обвитые патронташами.

Бежим на вокзал. Матросы арестовывают офицеров и жандармов, срывают погоны, с остервенением бросают на землю.

Революция! Свобода! Долой царя!

Мы отчетливо и ясно слышим эти слова.

— Товарищи! В городе сражение!

Вместе с матросами и рабочими направляемся в город.

На пути встречаем большую группу рабочих. Раздается многогласное „ура!“, „да здравствует свобода!“ Соединяемся и движемся вперед. Зачем? Куда? Узнавать было некогда. Подошли к тюрьме. Площадь занята огромной толпой. Протискиваемся вперед. Видим—на руках арестантов Макар. Его „качают“, высоко подбрасывая над головами.

Это был наш великий, торжественный праздник.

Однажды вечером из-за угла какой-то кадет выстрелом из револьвера убил Макара.

Долго отчаяние и тоска одолевала нас. Мы росли, начинали кое-что понимать, а Макара нет. Кто же расскажет, что делать дальше? Понурые собирались на водокачке, намечали разные планы, горячо их обсуждали, клялись мстить.

Вооруженные свинчатками, делали налеты на гимназистов и проламывали им головы.

Но чувствовали, что это не то.

Было тревожное боевое время. В отдельных местах восставали офицеры, происходили перестрелки, убийства из-за угла. Мы ходили, как отбившиеся от стада, настороженные, угрюмые, не зная, чем заняться. Так шли неспокойные дни, выбившие нас из обычной жизни на водокачке. Както Клюгер, брат Макара, прибежал из города сияющий. Окружили. Не переводя духа, он начал:

— У биржи висит об'явление о добровольцах в первый социалистический отряд. Нужны добровольцы на казацкий фронт.

Мысль понравилась. Начала понемногу сверлить мозг. Долго обсуждали. Решили покатить к бирже.

Группами записывались „большие“—рабочие. Подходили и молодые. Уже—119. Подошла очередь до нас. Клюгер выпрямился, заложил правую руку за пояс. Его записали, ему было 16—17 лет. А нам—по пятнадцати. Брали с

17 лет. Два наших друга успели уже „затеряться“ по дороге к столу.

Нас осталось четверо. Мы негодовали на предателей. И дрожали от страха, что не запишут, скажут—молоды.

— Подходите!—крикнул Клюгер.

— Ваши митровки, ребята!

— Митровок у нас нет.

— Завтра притащите митровки, тогда и запишем.

Недовольные мы поплелись домой.

— Ничего, обманем,— успокаивал Клюгер. До тошноты разбирало зло. Почему по пятнадцати лет, а не больше? Другие имеют по 20 годов, а мы по пятнадцати. Эта несправедливость сильно волновала нас.

Ко всему этому у меня прибавилось еще одно огорчение. Только вхожу в дом. Стучу. Открывается дверь. Впереди что-то промелькнуло, помутнело в голове, подкосившись, я с'ехал по стене на пол. Опомнился, открыл глаза и вижу передо мной испуганная мать при полном боевом вооружении со скалкой в руках.

Потом, сообразив, что я очухался, она взяла за волосы и начала таскать, приговаривая убедительные советы. Напрасно мы заподозрили в доносе наших дезертиров и жестоко расправились с ними. Мать о плане узнала из другого источника. И заранее ждала меня в сенях, чтобы встретить торжественным „приветствием“, — скалкой по голове.

Мучительно томились день, а ночью терзал неспокойный, нервный сон с причудливыми сновидениями.

И, наконец, утро... С трудом раздобыли „митровки“ и отправились.

— Молоды, нельзя,—услышали сердитый ответ.

Умоляем, не помогает.

Надоев писцу, добились от него, что он сказал:

— Ну, пойдите к комиссару, может разрешит.

Комиссар угрюмый, с сердитым видом, встретил мягко.

— Ну, вам чего, пистолеты?

— В отряд хотим записаться. Не берут: молоды, говорят.

— Нельзя, ребята — молоды. Можно только 17 лет.

Мы начали уговаривать.

— Записать не могу, приходите во время отправки на вокзал. Там и сделаемся. Придете, спросите моего помощника Озерова, он вас посадит в свой вагон!..

Выбежали торжествующие.

Были ли когда-нибудь более смутные, нервные дни в нашей жизни, как в это время? Кажется, нет! То преисполненные великой гордости, победоносно молча и горделиво смотрели на посторонних, то от радости прыгали, как бессарабские козлы во время жары, высоко задирая ноги.

Последнюю ночь решили ночевать на водокачке.

А на утро нетерпеливо ждали отправки. Разошлись по домам. Забрали необходимую „амуницию“—кто пиджачек, кто пальтишко—и на вокзал. Посадка уже началась.

Оркестр весело играет марш, но мы не особенно восхищаемся музыкой. На платформе говорят речь.

Оркестр заглушает пронзительный свисток паровоза. Послышался крик, плач.

Поезд зашумел и двинулся. Мы живо вскочили на верхние нары вагона и через головы стоящих у дверей „больших“, гордо показав себя „миру“, во все силы закричали: „ура! ура!“

Мы прощались с родным городом. Загудел сильнее поезд, застучали колеса. Мы мчались в новую, неизвестную для нас жизнь.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

(О ЖЮЛЬ ВЕРНЕ)

Очерк ИГНАТА

Есть у Жюль Верна роман под таким заглавием. Будто бы солнце, заходя в ясную погоду за морской горизонт, пропускает свой последний луч через верхний слой воды и на мгновенье освещает все вокруг ярким зеленым цветом. Не один год пробыл я на море, а такого луча не видел. Не раз спрашивал я ученых людей — ни один из них не слыхал о зеленом луче, но и ни один не решился сказать, что это неправда.

Таков весь Жюль Верн — не знаешь, что у него правда, и что нет. Начнет с самого простого и несомненного, а потом перейдет к фантастике, да так, что ты не заметишь этого перехода. Поэтому к романам Ж. Верна нельзя относиться как к сказкам, несерьезно, а в то же время они интереснее любых сказок. О многом **настоящем** узнаешь, читая его романы-сказки.

Иные говорят, что романы Ж. Верна — лучший учебник географии. В самом деле, куда только он не заведет своих героев, а с ними вместе и читателя: и в снежные пустыни далекого Севера, и в тропические леса Амазонки, и в южно-африканскую сухую пустыню, и в жаркие болота Флориды, и в луга зеленой Ирландии, и в австралийские копи, и в Китай и С.-А Соединенные Штаты, и на Северный полюс, и на Южный, и на необитаемый остров, и на океанский пароход-город, и на горные вершины, и на морское дно, и к людям-обезьянам, и на плавающий остров — последнее достижение американской техники, и к центру земли, и на далекую комету.

Снизу вверх: Встреча с крокодилами в дебрях Африки. Пляска негритянского колдуна.

Снизу вверх: Покинутый корабль. Раненый кит. Муравьиные кучи в Африке.

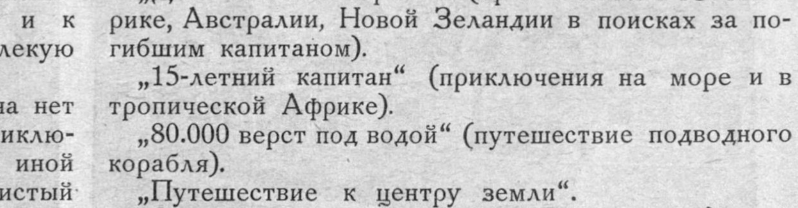
И никогда у Ж. Верна нет просто описаний. Все приключения, иногда жуткие, иной раз комические. Как истый француз, Ж. Верн не прочь посмеяться над своими героями. Вам известно, что Константинополь расположен на обоих берегах морского пролива? Переправляются через него на лодках. Как-то раз турецкое правительство ввело налог за перевоз. Один упрямый турок не пожелал платить этого налога и поклялся, что он будет на другой стороне, не заплатив правительству ни копейки. И он сдержал слово... об'ехав вокруг Черного моря.

Один богатый чудак-американец, умирая, оставил странное завещание: все его состояние перейдет тому, кто выиграет в игре „гусек". Знаете, есть такая детская игра? Только доской в этой игре была вся страна С. Штатов, клетками — отдельные штаты, а фишками — люди, претенденты на богатство. Вот они и едут, куда забросит их жребий, а в результате читатель знакомится с Соединенными Штатами.

Но Ж. Верн знакомит читателей не только с географией, но и с чудесами техники: во многих своих романах рассказывает о смелых изобретениях. Правда, многое из того, что изобретали герои Ж. Верна, теперь не новость — и подводные лодки, и воздушные корабли, и снаряды с ядовитыми газами. Но **в его время** обо всем этом только начинали думать, и Ж. Верн во многих случаях оказывался пророком.

Вот почему Ж. Верна любят ребята всего земного шара, вот почему сейчас, когда исполнилось сто лет со дня его рождения (он родился в феврале 1828 г.), о нем вспоминают все народы.

На родине, во Франции, некоторые его книжки издавались по 60 раз. По нескольку раз издавались они и у нас, в России, до революции, начинают издавать Ж. Верна и теперь. Изданы уже следующие романы:

„Пять недель на аэростате" (приключения в Африке).

„Дети капитана Гранта" (приключения в Ю. Америке, Австралии, Новой Зеландии в поисках за погибшим капитаном).

„15-летний капитан" (приключения на море и в тропической Африке).

„80.000 верст под водой" (путешествие подводного корабля).

„Путешествие к центру земли".

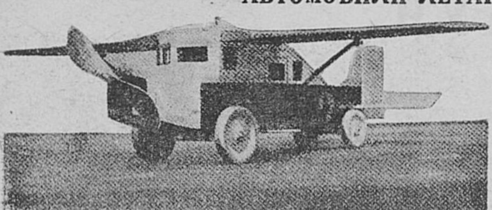
„Робур-победитель" о (воздушном корабле).

„Вокруг света в 80 дней",

„Таинственный остров" (приключения на необитаемом острове).

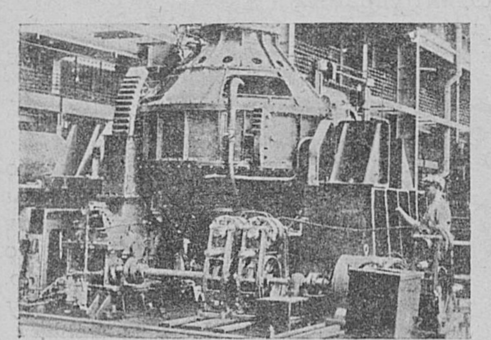
СО ВСЕГО СВЕТА

АВТОМОБИЛИ ЛЕТАЮТ ПО ВОЗДУХУ

Этот автомобиль может летать. Для этого крылья автоматически раскладываются и управление переводится для полета.

ПАРОХОД, НА КОТОРОМ НЕТ КАЧКИ В САМУЮ СИЛЬНУЮ БУРЮ

Морская болезнь—самая неприятная из всех болезней. Один человек, который заболел морской болезнью на пароходе, выпрыгнул в море, а берег был за сорок верст. Вот, до чего дошел! Теперь на больших пароходах избавились от качки благодаря... волчку. Правда, этот волчок втрое выше человека и раз в сто толще, но все же это самый обыкновенный волчок, который, вращаясь, уравновешивает пароход и уничтожает качку.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН В ЛЬВИНОЙ КЛЕТКЕ

Чарли Чаплина знают и любят во всем мире. Особенно нравится он ребятам. Нью-йоркские и парижские мальчишки даже подражают походке Чаплина—носками врозь. Чарли Чаплин по праву считается одним из самых великих артистов в мире. Это не просто пустой и глупый клоун, который кривляется без толку. Чарли Чаплин своей игрой показывает выдуманного им человека с особым своим характером, смешными поступками. За этого выдуманного человека Чаплина ценит и любит весь мир.

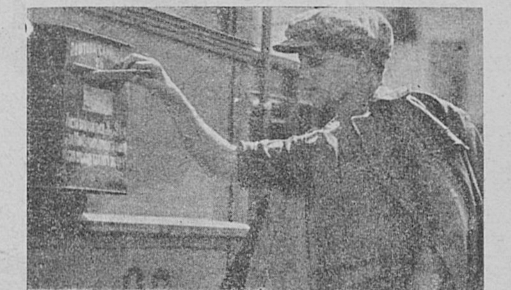
Как относятся к Чарли львы мы не знаем, но судя по фотографии, не очень враждебно.

САМЫЕ МОЛОДЫЕ ВОЕННЫЕ МУЗЫКАНТЫ

На парадах Красной армии всех удивляют маленькие тринадцатилетние красноармейцы-музыканты. Ребячьи музыкантские команды играют не хуже взрослых. Команды составляются часто из беспризорных, иногда из ребят, которые хотят учиться играть. Кроме музыки ребят обучают так же, как и в обычной школе.

ПОЧТА В КАЖДОМ ТРАМВАЕ

Почта едет по улице. Написал в трамвае открытку, слез на остановке и тут же опустил. Трамвай едет дальше. У почты ящик опоражнивают. Такая трамвайная почта введена в Харькове.

ПРОТИВОГАЗЫ НА ПОЖАРЕ

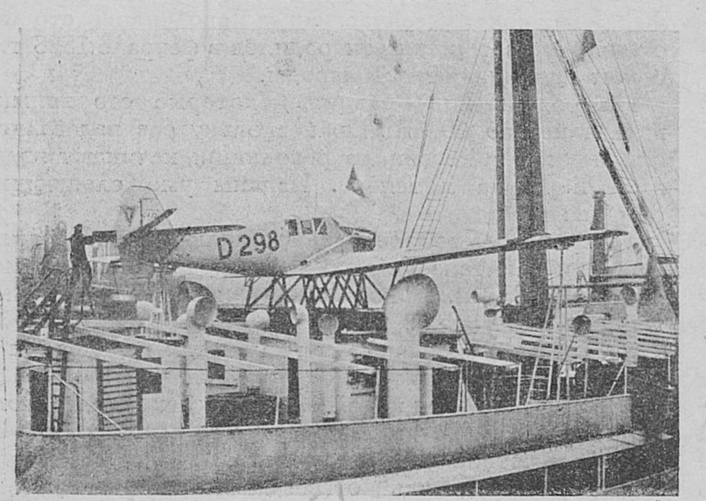

Странные люди в противогазных масках—не солдаты. Это обыкновенные пожарные. Противогаз ые маски позволяют им работать в самом густом дыму.

Рисунки слева изображают: наверху—один из противогазов, присланных на конкурс „Пионерской Правды“ и „Пионера“. Единственный противогаз, который сделан из... бутылки. Направо—обезьяна из обезьяньего питомника в Сухуме. Ученый доктор Тоболкин занялся акклиматизацией обезьян в СССР. Он хочет добиться того, чтоб обезьяны привыкли к условиям жизни в более холодной стране, чем их родина. Налево: глуповатый человек в цилиндре—это сын испанского короля Альфонса. Рядом—его воспитатель. Говорят, что сын похож на отца не только внешним видом, но и характером. Можно пожелать испанским рабочим поскорее избавиться от отца и от сына. Внизу наши „старые приятели“: Пилсудский, Бриан и Чемберлен—посередине их вы узнаете по карикатурам. По бокам: Залесский—польский министр иностр. дел, и Вольдемарас—литовский премьер-министр.

НА ЭТИХ ДВУХ СТРАНИЦАХ МНОГО РАЗНООБРАЗНЫХ ФОТОГРАФИЙ СО ВСЕГО СВЕТА.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АЭРОПЛАНЫ

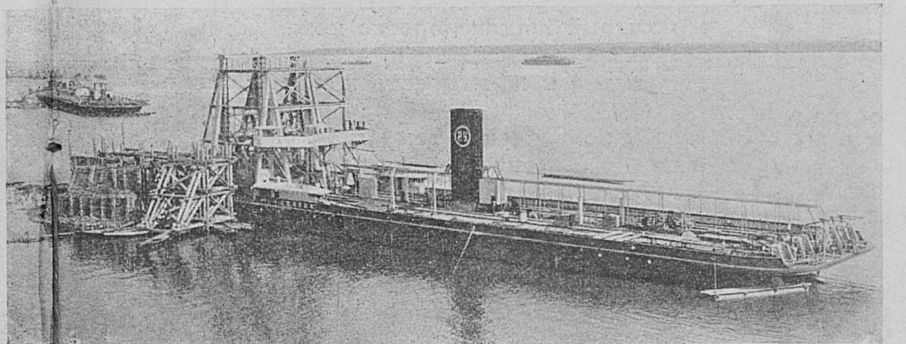
Некоторые пароходы сопровождают вместо спасательных лодок аэропланы. Хитро придумано, только, пожалуй, аэропланов не напасешься.

ПИОНЕРЫ НА КРЫШЕ МИРА

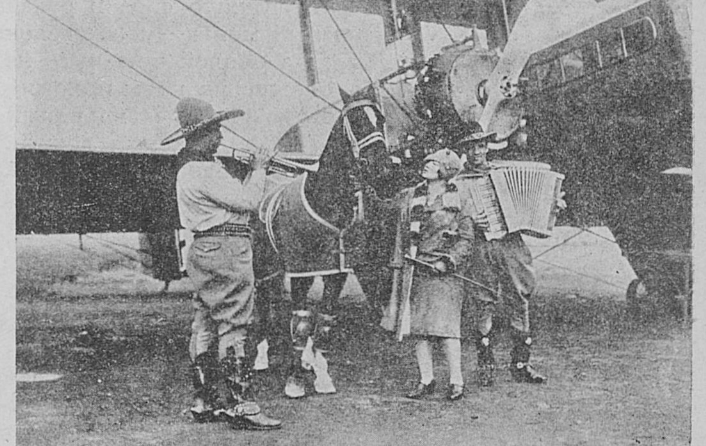
Памир—одна из самых отдаленных частей нашего Союза. Там нет жел. дор., мало школ и учителей, но есть пионеры. Они на экскурсии и снимаются для того, чтобы их увидели читатели „Пионера“.

ПАРОВОЗ ПЛЫВЕТ ПО ВОЛГЕ

Целый поезд переправляется через Волгу на этом пароходе.

ЛЕТАЮЩАЯ ЛОШАДЬ

Лошадь прилетела на аэроплане из Лондона в Париж для того, чтобы выступить в цирке. Это первая в мире летавшая лошадь.

КОСТЕР НА РЕКЕ МАГИТУН

Поэма В. ОШАНИНА
Рисунки Л. БРУНИ

I

Леса неприступны, и нету дорог,
Чтоб в чаще пробиться суровой.
Деревья не знают огня топоров,
А камни—удара подковой.
В оврагах трава высока и густа.
Веками, одетую в камень,
Реку Магитун[1] золотая кета
Во сне шевелит плавниками.
Тут мало названий и мало имен,
Но мир удивительно прочен,
И дети судьбою забытых племен
Себя называют: орочи...
У стойбищ орочских шаман скoлдовал.
На камне—огонь и молельня,
И рясу глухую одел в рукава
Таежный монах—можжевельник.
Жилища орочей чуть-чуть не дома,
Но больше на норы похожи,
И только свое дальновидный шаман
Покрыл продубленою кожей..
Он служит огню, но трудиться устал,
И в рабство ему обреченный,
Смолу собирает в лесах для костра
Айгун—молодой ороченок.

II

Сентябрьское небо стучало дождем
По кожаной крыше шамана.
Мужчины ушли на охоту с ножем,
А женщины с хитрым капканом.
Над стойбищем встала большая луна.
Лесами ощерились дали,
И слышал Айгун, как легла тишина
На листья завядшей Аралии.
Тяжелая служба—стоять у огня,
Но был он покорен и молод,
И пламя лизало на старых камнях
Всю ночь ароматные смолы.
Всю ночь пропылал драгоценный костер,
И спину Айгун не распрямил,
Пока Утекура руки не простер
Над тлевшими ярко углями.
А утром, когда пестрокрылый фазан
На завтрак свой выводок кличет,
Орочи вернулись из леса назад
С большой и богатой добычей.
Они принесли дорогих соболей,
И барс не ушел от них, хищник,
И старый попался, рогатый, олень,
И мясо медвежье для пищи.
Об этом не каждый, быть может, слыхал
В Союзе Советских Республик,
Но хитрый шаман дорогие меха
Менял на дешевые угли,
И каждый, в ком страсть к сладкой пище остра,
Огнем не владея к тому же,
Унес от шамана кусочек костра,
Чтоб сделать обед или ужин.

[1] Магитун—одна из совершенно неисследованных рек Чукотского полуострова.

III

Тяжелые тучи ползли на тайгу,
И тягостен древний обычай,
Совсем изнемог ороченок Айгун
В краю, где не водится спичек.
Шаман охраняет доходный огонь
И пузо, набитое туго,
Он очень богатый, но что из того,
Что дорого взял он за уголь.
Айгун и сегодня, как прежде, забыт
И голоден хуже, чем прежде,
Украдкой жевал он сухие бобы
И костью давился медвежьей.

IV

Айгуновых дум не распутать во век.
И спрятатся лучше от дум бы,
Но именно с этим узлом в голове
Рождаются миру Колумбы.
Однажды, когда отшумела метель
И взвился над сопками кочет,
Решил он: у новых каких-то земель
Огонь разложить для орочей.
Подкинув в костер на последок смолы,
Орленком—в Колумбовой шхуне
С веслом и с задором в руках молодым—
Разрезал он гладь Магитуни.
Но мчалась не шхуна, а утлый челнок,
Под ним грохотали пороги,
И путь без путей и проезжих дорог
Был очень нелегкой дорогой.
Порою челнок наполнялся водой,
Порой натыкался на скалы.
Мозолями скоро покрылась ладонь
От этой борьбы, небывалой.
И ночи суровы, и жидок обед,
Но воли ничто не иссушит.
Питался он рыбой, добытой в воде,
И дичью, добытой на суше.
И вот через несколько сумрачных дней
Увидел он новые страны,
Где множество было веселых огней
И не было вовсе шаманов.
Глаза загорелись и бросили взгляд
На мир, перевернутый круто,
Легли перед ним золотые поля
И город советский Олюторск.

V

Река Магитун, по-туземному Кит,
Шаман тут кудесник и лекарь,
А множество мелких притоков реки
Не знают совсем человека.
Никто не изменит так скоро тайгу,
Все те же таежные тропки,
Но в стойбище снова вернулся Айгун
С огнем в деревянных коробках.
Орочи чуть слышный услышали звук:
В глазах запестрило от вспышек,
И лопнула кожа, от злости, по шву
Над старой шамановой крышей.
Напрасны проклятья, беспомощен гнев.
Под рясой грустит можжевельник,
И племя успело забыть об огне
На камнях отцовской молельни.
Быть может, Айгун был и крут и суров,
Зато под суровою мглою
Никто не стоит у священных костров
И пламя не кормит смолою.

VI

Достаточно слов о священном огне,
О нем говорилось немало.
Для сказки на этом хороший конец,
Для нас—неплохое начало.
Не зря у Айгуна большие глаза
И память большая при этом.
Из странствий далеких вернувшись назад,
Он помнил про землю Советов.
С кострами удачно покончен вопрос,
Но кроме чудеснейших спичек,
В тайгу орочанам он много привез
Совсем неизвестных привычек.
По-новому смотрят как будто дома,
И каждый обедает плотно,
И только один похудевший шаман
Зачислен в разряд безработных.
Совсем не узнать орочей-дикарят.
Айгун очень дельный вожатый,
И дружный, большой пионерский отряд
Устроили с ним дикарята.
Как старый полковник лишенный полка,
Стоит, молодыми обманут,
Монах-можжевельник у Ленуголка,
Открытого в юрте шамана.

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА[1]

АННА ГРИНБЕРГ

ЗАВОД МИХЕЛЬСОН

Во время гражданской войны в Москве бывали пятничные митинги.

Собирались на заводах, в театрах и в клубах.

Один раз был митинг на заводе Михельсон в Замоскворечьи.

Пришли из Симоновской и Даниловской слободы, собралась большая толпа. Говорили между собой о том, как трудно и голодно.

Вдруг все закричали: „Приехал!“

Ленин вошел и начал речь. Стало очень тихо.

Речь Ленина была о том, что белые чехо-словаки идут на нас войной, и надо снова биться. Речь Ленина была о том, что трудно и голодно, но если будем работать, то справимся.

Когда он кончил, рабочие закричали: „Мы все, как один, пойдем против белых!“ И запели.

Ленин говорил и не знал, что его караулит в толпе чужая женщина.

На ней были грязные башмаки и черная юбка; она курила папиросу. Эту женщину враги советской власти подослали на митинг убить Ленина.

Он кончил и пошел к своему автомобилю. Толпа шла за ним и пела.

Он надевал находу пальто.

Во дворе его остановили две работницы и спросили, почему у них на железной дороге отобрали муку.

Место на заводе Михельсон, на котором предательской рукой эсерки Каплан, отравленной пулей был ранен Ильич

Он стал об'яснять и поставил ногу на подножку автомобиля.

Тогда та женщина нацелилась и выстрелила два раза.

Ленин упал, а она побежала. Но дети во дворе увидили и закричали заводскому рабочему:

— Иванов, она побежала к трамваю!

Рабочий догнал ее и схватил.

РАНЕНЫЙ ЛЕНИН

Ленина подняли и посадили в автомобиль.

Кругом говорили:

— Везите в больницу.

Но шофер сказал:

— Никуда не повезу. Везу домой.

Ленин услышал и повторил:

— Домой.

С ним сел товарищ и держал его. Он тяжело дышал.

Заводской рабочий сел возле шофера.

Шофер помчал к Кремлю. В Троицких воротах он промчал машину мимо часовых, не останавливаясь, и только крикнул:

— Ленин!

Под'ехали к квартире.

Ленин вышел с трудом.

Шофер и товарищи просили:

— Мы вас внесем.

Но он не позволил. Он сказал:

— Я пойду сам. Снимите пиджак, мне будет легче итти.

И тяжело поднялся сам на 3-й этаж.

У дверей позвонили. В квартире отперли. Шофер положил его на кровать. Рубашку нельзя было снять. Пришлось разрезать ножницами.

Позвали сестру. Прибежал комендант. Послали в Кремлевскую аптеку.

Шофер пошел во двор ждать Надежду Константиновну. Она скоро под'ехала.

Когда она увидела шофера, она догадалась, что случилось большое несчастье.

Она остановилась и сказала: „Ничего не говорите, только скажите: жив или убит?“ Шофер сказал: „Даю честное слово, Владимир Ильич легко ранен“.

Она постояла и пошла наверх.

ПУЛИ

Пули прострелили Ленину руку, разломали плечо, ранили легкое. Одна пуля застряла у него в ключице, другая прошла через шею. Сердце сдвинулось с места.

Пули были отравлены ядом; головки у них были надпилены для того, чтобы сильнее рвать тело: гладкие пули легче ранят.

Вынимать их было опасно: одна пуля осталась в его теле.

Раны были тяжелые, и выздороветь было трудно.

Но Ленин выздоровел.

Во время перевязок он шутил.

Когда он мог встать и ходить, он стал носить на руке пятифунтовый мешочек с дробью для того, чтобы сломанная рука не стала срастаться короче.

Иногда он шутил с знакомым мальчиком: он старался достать больной рукой до уха. Если достанет, значит рука и плечо хорошо заживают.

Но достать ему было трудно.

Сломанная рука заживала два месяца.

---

[1] Из книги „Ленин“—рассказы для детей. Печатается в изд. „Работник Просвещения“, серия „Читальня советской школы“.

ЖИВОЙ ОБРАЗ ИЛЬИЧА

Стихотворение ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Бывало, пишу,
Спешу,
Пригоняю к строчке строчку,
Чтоб вышло „во-время и в точку“,
Чтоб зажечь читателей боевым огнем,
Чтоб увлечь их задушевно-прельстительным слогом,
Пишу—и думаю все время о нем,
Об Ильиче, судье взыскательно-строгом:
Прочтет он и весело прищурится,
Или, задумавшись, нахмурится
И скажет, что тема важна и остра
И к ней смаху подходить неудобно,—
И все, что он скажет, его сестра,
Марья Ильинична, передаст мне подробно.
И стану я рисовать живей
Красоту подвига, бытовое уродство.
Во всём, во всём, даже в работе моей
Отражалось ленинское руководство!

Ильичевских мыслей заревые огни—
Отблистали они.
Разлучила нас смерть—роковая размычка.
Но владеет мною, как в прежние дни,
Былая привычка:
Пишу,
Спешу,
Обнажаю стержень затруднительной темы,
И думаю, глаза оторвав от листа,
Что сказал бы тот, чьи ныне уста
Немы?
Вот—какой бы радостью зажегся Ильич,
Услыхав такой ребяческий клич:

Дорогой товарищ
Демьян Бедный!

Просим вас в стихах изложить смысл такого нашего вызова—

КО ВСЕМ ШКОЛЬНИКАМ СССР

Товарищи! Буржуазные правительства Англии, Америки и Франции беспокоит укрепление и развитие хозяйства нашего Союза Сов. Соц. Республик и они всячески стараются вызвать нас на войну. Однако, до сих пор советское правительство не приняло этого вызова, так как каждый трудящийся нашего Союза желает только мира. Нельзя поручиться, что в будущем мирное строительство в пролетарском государстве не будет нарушено.

По сведениям из газет можно заключить, что Англия решила втянуть нас в войну во что бы то ни стало, а если это случится, то и мы, дети, почувствуем на себе целый ряд лишений, не говоря уже о том, что можем потерять дорогих для нас членов семьи. Поэтому **в подготовке к обороне страны должны принять участие все трудящиеся от мала до велика.** Мы, дети, большой помощи в этом деле оказать не можем, но каждый из нас, отказавшись от покупки очередного гостинца, может сберечь и пожертвовать на оборону страны свой пятачок. Только раз отказаться, и этих пятачков по всему СССР соберется так много, что, может быть, на них наш Советский Союз сможет построить самолет „Школьник“ для обороны страны.

Пусть каждая школа, собирая пятачки, думает, что хоть один винтик в самолете „Школьник“ будет сделан на их деньги. С этой целью мы вызываем все школы нашего Союза на добровольный сбор для постройки самолета, посылая собранные деньги в нашей школе в сумме 15 руб. от имени нашей школы.

Уч-ся III сов. шк. I ст. г. Ветлуги

Пусть, нашим врагам приговором звуча,
Нас—в печали—ободрят строки детские эти:
Перед нами—**образ живой Ильича:**
Пролетарские дети!

Редакция открывает сбор средств. На наши пятачки мы построим самолет и назовем его „Школьник“

ПИОНЕР

1

Ребята! Из этого номера можно узнать, как устроить пионерскую вечеринку, как делать интересные опыты и т. д. Кроме того, тут есть интересные рассказы, очерки и хорошая песня

ПИОНЕР

В этом номере очень много интересного написано об Ильиче. Здесь же начинается очень занятная повесть „Дэн Ши-хуа“. Все могут узнать, прочитав этот журнал, какой должна быть записная книжка, как сделать пинг-понг и как беречь здоровье зимой

ПИОНЕР

Этот номер технический. Тут написано и о Ньютоне, и о том, как один парень, начав с модели, сконструировал свой самолет; есть очень занятная пьеса; описано, как сделать себе рабочий ящик. Кроме того продолжается „Дэн Ши-хуа“

ДНЕВНИК ЗВЕНА „КРАСНЫЙ ПИОНЕР“

Рисунки худ. МАГО

Из этого дневника можно узнать много интересного. Здесь описана новая игра „викторина“—очень интересная—и много других вещей.

2 марта. Охо-хо! Сегодня Коля Булкин опять пришел с очень серьезным видом.

— Ребята!—начал он.—Я сразу возьму быка за рога. Наше славное звено „Красный Пионер“ получило вчера от совета отряда боевое задание по детской печати — распространение журнала „Пионер“. Педлагаю составить рабочий чертеж—тут... все на него посмотрели, раскрыв рты: когда Коля увлечется, он любит употреблять непонятные слова,— т.-е. я хочу сказать—план нашей деятельности. Кто хочет что сказать?

Тут сразу встали четыре человека и одновременно заговорили и замахали руками, как ветряные мельницы. Минут пять мы потратили на то, чтобы остановить бурный поток их красноречия.

Опять встает Булкин и говорит:

— Предлагаю поручить составление плана Бобу Бобкинсу. А то он у нас ничего не делает, только стихи пишет.

Тем, что мне поручили составлять план, я был, конечно, очень недоволен, но то, что все единогласно голосовали за меня, мне понравилось — все-таки все ребята понимают, какой я умный.

Вот план, составленный мной:

1. Написать в Торговый отдел Издательства и получить оттуда плакатов и листовок.
2. Поручить каждому из пионеров вывесить в школе плакаты.
3. Провести в отряде конкурс на лучшее звено по подписке.
4. Сделать так, чтобы наше звено заняло первое место по подписке.
5. Написать статью в стенгаз о подписке.
6. Разослать каждому пионеру маленькую листовку о подписке.
7. Послать в соседние отряды письмо с предложением подписаться.
8. Устроить уголок печати в клубе.

Хороший план, а?

ПРИМЕЧАНИЕ БУЛКИНА: Ребята, вы Бобу не верьте! План он представил в роде воздушного замка, пришлось нам составить план сообща, всем звеном.

ПРИМЕЧАНИЕ к ПРИМЕЧАНИЮ: Ребята, не верьте Булкину—это он от зависти, что я такой хороший план составил.

Боб

Сегодня мы весь сбор посвятили печати. После долгих споров, мы разбились на три группы.

Первая взялась за рисование плакатов о подписке на „Пионер“. Плакаты были такие:

> **На свете существует очень интересный и веселый журнал**
>
> **„ПИОНЕР“**
>
> **Выходит он раз в 2 недели и стоит всего 30 к. в месяц и 3 рубля в год.**
>
> **Почему ты не подписался на него?**
>
> **Подписаться можно на почте.**

После того, как мы испортили четыре листа бумаги, Сережа Федосейчиков схватился за волосы и шепотом сказал:

— Я изобрел новый способ массового изготовления плакатов,— и накинув пальто, куда-то исчез.

За те полчаса, которые он отсутствовал, мы еще испортили пять листов. Особенно старался Олег Черный. Он стал весь фиолетовым, так как почему-то питал страсть к фиолетовой краске.

Наконец, появился, отдуваясь, как тюлень в Зоопарке, Сережа с громадным листом картона. Мы все уставились на него.

— Ты не с Канатчиковой дачи?— ехидно осведомилась у него Юля.

Но Сережа не обратил на нее внимания. Он с вдохновенным видом бросил на стол картон, вытащил из кармана сапожный нож и заявил:

— Мы сделаем из картона трафарет, т.-е. прорежем в нем все буквы, потом положим трафарет на бумагу, будем водить по вырезанным буквам кисточкой, и у нас быстро будут хорошие плакаты.

Это было первый раз, когда Сережа предложил действительно практическое предложение, и даже сам великий изобретатель Булкин, одобрил его.

Вторая группа писала такие записки:

Ты—пионер, а не выписываешь своего журнала «ПИОНЕР». Немедленно подпишись на него. Ты узнаешь много полезного и интересного. Ты будешь смеяться с утра до вечера. Ты сделаешь ряд интересных вещей. Ты познакомишься с жизнью заграничных ребят. Стоит он всего 30 к. в месяц.

На ближайшем отрядном сборе наше звено всем пионерам нашего отряда раздает такие записки.

Третья группа написала письмо в Издательство „Молодая Гвардия" и вызвала два соседних отряда на состязание по подписке.

В конце сбора мы разработали план конкурса. Мы решили, что звено, собравшее большее количество подписчиков, должно получить какую-нибудь премию, и, кроме того, просить редакцию напечатать их фотографию. Когда мы обсуждали это, то поссорились между собой два брата Федосейчиковы и я с Бобом. Боб предлагал в качестве премии полное собрание своих стихотворений, а Володя Федосейчиков — два вагона лыж.

Н. Шамет

3 марта. Сегодня у нас торжество—неорганизованный Олег стал организованным. Наше звено приняло его в свои стальные ряды. Уррраааа! На радостях он поклялся Рамзесом XIV завербовать 700 новых подписчиков на журнал „Пионер" и этим доставить окончательную победу на конкурсе нашему звену.

Лиза Хащенкова

4 марта. Мы сидели на нашем диване и молчали, как немые, когда пришел Коля Шамет. Глаза у него блестели. Мы удивились, потому что у него были такие маленькие глаза, что их никогда не было видно.

—Коля, — спросила Лиза, — ты ли это?

— Я,—ответил Шамет, — запишите мне два очка, потому что мой ответ точен, как хронометр.

Не все из нас знали, что такое хронометр. Олег Черный спросил:

— А что такое хронометр?

— Даю два очка за правильный ответ,—сказал Коля Шамет,— что это такое?

Мы подумали, что Коля сошел с ума. Волосы торчком, галстух на сторону, глаза на затылке, нос в облаках.

— Это сумасшествие! — сказал Коля Солнцев.

— Нет—это точные часы.

Юля и Маруся крикнули „ай!" и побежали к двери. Сережка тоже дернулся, но было уже поздно. Коля Шамет стал около двери и поднял кверху... руку.

— Ребята! — воскликнул он.— Знаете ли вы, что такое викторина?

Я вспомнил, что нашего учителя физики зовут Павел Викторинович, и смело сказал:

— Викторина—это отчество.

Коля так на меня взглянул, что мне показалось, будто его глаза царапают мне нос.

— Не угадал. Викторина—это игра.

— В роде баскетбола?—спросил Коля Булкин.

— Нет, в роде арифметики, географии, родного языка, алгебры, обществоведения, энциклопедического словаря, радиоприемника... Садитесь.

Мы все уже сидели. Коля Шамет нам рассказал, что такое викторина.

Задается 50 вопросов, за каждый правильный и точный ответ—два очка, за приблизительный—одно очко. На размышление—от минуты до двух.

И тут же мы сыграли в викторину. Вот она:

1) Сколько метров в километре?
2) Какие цвета входят в название двух главнейших морей СССР?
3) Когда Международная детская неделя?
4) Сколько стоит журнал „Пионер" в месяц и сколько на год?
5) Почему селедки соленые?
6) Сколько у курицы зубов?
7) Что тяжелее: пуд железа или пуд пуха?
8) Что такое ножны?
9) Где живут австралийцы и где австрийцы?
10) Что такое охранка?
11) Как правильно чинить карандаш?
12) Что такое Совнарком?
13) Как называется столица Италии?
14) Как подписаться на „Пионер"?
15) Кто такой Евгений Онегин?
16) В каком китайском городе недавно было восстание?
17) Как по-немецки „Всегда готов"?
18) Как имя и отчество тов. Рыкова?
19) Что такое всесоюзный староста?
20) Что такое антрацит?

Четвертый № ,,Пионера" — военный. Тут так много интересного написано, что и рассказать трудно. Лучше всего прочтите сами. И рисунки есть, да такие, что можно над ними смеяться целый день. „Дэн Ши-хуа" тоже есть

,,Знание—Сила"— приложение к „Пионеру". В первом номере помещены приключенческие рассказы, несколько очерков и описано, как самому сделать коньки, увеличительный аппарат, как устроить лабораторию

Здесь можно прочесть несколько замечательных рассказов, очерков, а также описано, как сделать самому самые разнообразные вещи

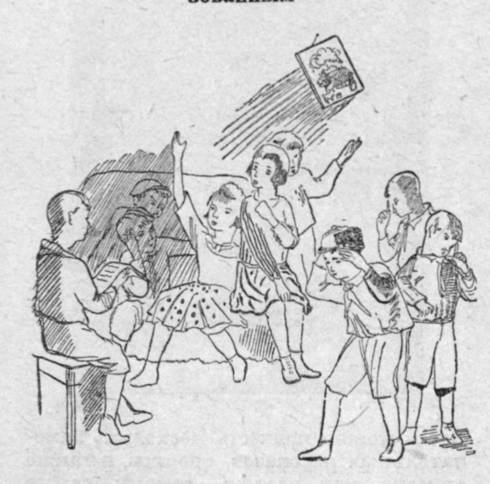
Мы принялись писать плакаты, но бумага почему-то пачкалась и ничего не выходило

Сережа принес огромный лист картона

Перед стальными рядами нашего звена Олег Черный перестает быть неорганизованным

Викторина такая интересная игра, что мы только и делаем, что играем в нее

21) Из чего делают бумагу?

22) Что такое подпруга?

23) Какие приложения дает журнал „Пионер“?

24) Сколько желудков у коровы?

25) Какие два названия были у Ленинграда до переименования?

26) В какую сторону будет север на Северном полюсе?

27) Какая разница между плугом и сохой?

28) Журнал какой пионерской организации называется „Ди Троммель“?

29) Как называется песня, которая начинается со слов: „Вихри враждебные веют над нами...“?

30) Какая разница между когтем собаки и кошки?

31) Что такое педагог?

32) Кто может быть деткором?

33) Где живут бушмены?

34) Что такое барбарис и что — ирис?

35) Кто такой Амундсен?

36) Как фамилия редактора газеты „Правда“?

37) От каких слов происходит слово „самовар“?

38) Что такое противогаз?

39) Почему электрическая лампочка взрывается с грохотом, если ее разбить?

40) Кто такой Некрасов?

41) Что такое мишень?

42) Адрес редакции журнала „Пионер“?

43) Как называется столица Турции?

44) Что такое околодочный?

45) Как потушить пролитый керосин?

46) Где живут индусы и где индейцы?

47) Кто написал „Вечера на хуторе близ Диканьки“?

48) Что такое антенна?

49) Где печатается „Дэн Шихуа“?

50) Какой четвертый закон пионеров?

Мы набросились на игру, как жадный волк на беззащитную овечку, и скоро мы все стали такими же, как Коля Шамет. Самое большее количество очков набрал Шамет — 79, затем Бобкинс — 77, Коля Булкин — 50, остальные по 30—40, и то все приблизительно, потому что точных ответов мы пока не знаем.

Викторина была всего одна. Мы возились с ней около получаса. Когда разыграли, то оказалось, что второй викторины нет, а ответы на эту викторину будут только в шестом номере „Пионера“.

Тогда мы стали сочинять собственную отрядную викторину. Мы предлагали вопросы коллективно, а потом каждый отвечал в отдельности.

1) Кто всегда опаздывает на сбор?

2) Из каких предметов состоит отрядная аптечка?

3) Как отчество Коли Булкина?

4) Кто выучил Бобкинса писать стихи?

5) Кто громче всех разговаривает в отряде?

6) Когда был организован отряд?

7) Кто был первым вожатым отряда?

8) Кто тонул летом в лагере?

9) Кто вступил в отряд последним?

10) Где мы будем летом?

Эту викторину мы сами выдумали — значит, можем записать и ответы.

1) Шамет и Бобкинс (мнения разделились)

2) Бинт, иод, вата...

3) Петрович.

4) Сам научился (вот удивительно!).

5) Коля Ш. (из скромности не дописываем фамилии).

6) В 1924 году.

7) Миша Башилов.

8) Котя Брыкин (читайте лагерные приключения в „Пионере“ за 1927 г.; там весь дневник Бобкинса напечатан).

9) Все догадались — Олег Черный.

10) Никто не знает (единогласно).

Во время этой викторины было много споров. Шамет и Бобкинс до того спорили, что совсем охрипли, и тогда стало тихо. А когда стало тихо, мы подсчитали голоса. Володя, Коля Солнцев, Лиза и Бобкинс стояли за то, что Шамет чаще опаздывает. Сережка, Олег, Юля и Шамет за то, что Бобкинс чаще. Спор разрешил Коля Булкин. Он сказал, что оба чаще. На том и сошлись все, кроме Боба и Шамета.

В отместку друг другу они решили задать друг другу десять вопросов — по пять каждый — и кто наберет больше очков, тот, значит, меньше опаздывал.

Ну и зверские же вопросы они друг другу задавали.

Нам понравилась такая викторина вдвоем, и мы стали задавать друг другу вопросы. Не такие сложные, но это было тоже очень интересно.

Теперь мы только и делаем, что задаем вопросы и отвечаем на них. Весело и интересно. Потом мы стали задавать шуточные вопросы, пока не пришлось итти спать.

В. Федосейчиков

ЗАДАЧИ С МОСТАМИ

А. МАСЛОВ.

Ребята! Все вы каждый день видите мосты, часто ходите по ним, но едва ли хорошо знаете, как они устроены. Задачи с мостами заставят вас сообразить, как строятся мосты

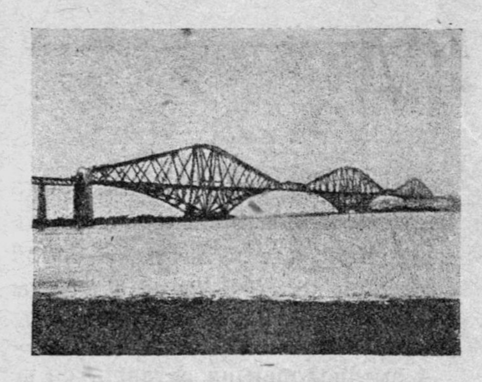

Рис. 1. Один из самых больших в мире—Фортский мост в Шотландии

1. Почему мост не проваливается?

Если посмотреть на рис. 3, то этот вопрос сам собой невольно возникает у нас: легкое кружево стальных и железных балок, раскосов и ферм укреплено лишь в немногих точках, а остальные части моста — это висячие сооружения, которые, казалось бы, должны рухнуть под действием собственной тяжести. Однако, этого нет. Наоборот, по нему движутся поезда, много их проходит ежедневно, они раскачивают связи моста, мост же крепок и прочен. Какая же загадка лежит в его устройстве? Почему все-таки мосты, несмотря на их легкость, так прочны и устойчивы?

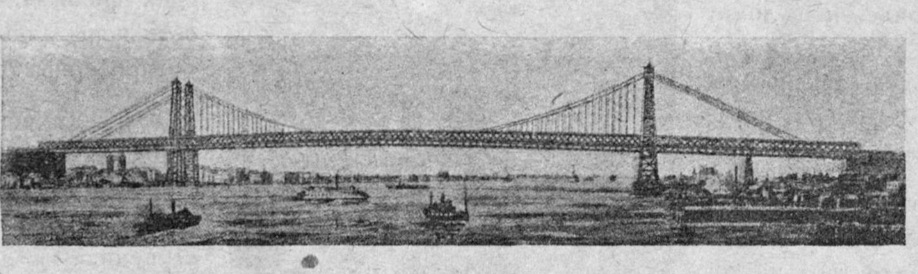

Рис. 3. Бруклинский висячий мост в Нью-Йорке

2. Зачем мосты делают горбатыми?

Если присмотреться к тому же рисунку, то в среднем его пролете, между башнями, можно заметить ясную выпуклость. Казалось бы, зачем создавать лишнее затруднение при движении по мосту: ведь эту выпуклость приходится преодолевать при всяком движении по нему. Подумайте, не лежит ли в этой кажущейся нелепости какого-нибудь глубокого смысла. Ведь в самом деле: строители мостов—люди чрезвычайно предусмотрительные, не по глупости же они всякий раз при постройке моста делают его немного горбатым. Зачем это?

3. Какой мост прочнее

На рис. 2 изображены схемы двух мостов, один из них в форме клетки одинаковой ширины во всех ее частях, другой в форме лука.

Какой из этих мостов прочнее и почему?

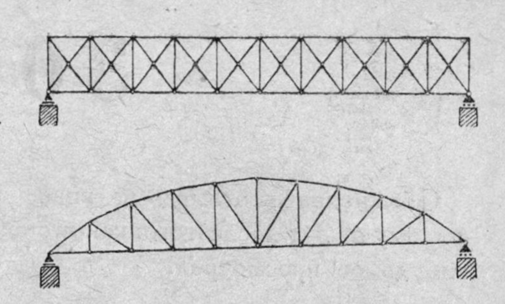

Рис. 2 Два вида ферм. Догадайтесь—какая ферма лучше и почему?

4. Устройство модели моста

Чтобы ознакомиться с тем, как строются мосты, советуем заняться постройкой модели моста. Вот интересная конструкция. На рис. 4 представлены последовательные стадии устройства такой модели. Строительный материал—спички, главные опоры (берега)—книги.

На двух коробках расположить опорные башни—каждая из трех спичек, связанных в верхней части и растопыренных внутрь. К каждой такой башенке прикреплено нитками или клеем по горизонтальной спичке; к концам ее — снова по спичке, а к концам этих—опять по спичке; в конце концов пролеты моста между башнями и между береговыми опорами сойдутся.

Тут можно решить один очень важный вопрос: в какой последовательности надо строить мост; что будет, если строитель стал бы строить только в одну сторону (рис. 4)?

Строители мостов знают ответ на этот вопрос, иначе они не смогли бы построить одного из величайших в мире мостов — Фортский мост в Шотландии (рис. 1); он имеет длину 2.720 метров, а два главных пролета его имеют в длину 521 метр! Ведь это больше, чем полкилометра над водой, безо всяких опор!

5. Взрыв в кармане водолаза

При устройстве таких огромных мостов приходится опоры устраивать на дне реки или пролива; для расчистки дна и для кладки фундаментов опускаются на дно длинные и широкие трубы, так называемые кессоны. Работать в кессонах в атмосфере сильно сжатого воздуха очень тяжело. На постройке Фортского моста произошел такой случай. Один рабочий, спускаясь для работы в кессон, захватил с собой бутылку водки. Там после трудов праведных он часть ее выпил, а остальное закупорил пробкой получше и бутылку положил в карман.

И вот, когда он, кончив работу, покинул помещение, в котором работал, бутылка оглушительно разорвалась в его кармане, точно была начинена она динамитом. Как можно об'яснить этот неожиданный взрыв?

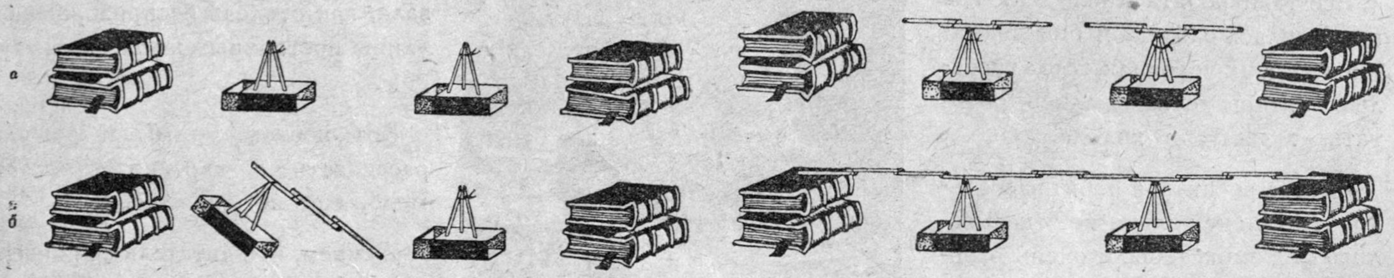

Рис. 4. Попробуйте построить из спичек модель Фортского моста

ЗОЛОТОЙ МЕД

Очерк Б. ВИРКИНСА

Обыкновенно отзывы на кинофильму пишут после того, как ктонибудь ее просмотрел.

Нам придется писать отзыв о картине до того, как она выпущена и показана.

— Грош цена такому отзыву,— скажут читатели и не станут до читывать рецензии, и на картину не пойдут.

— Может быть грош, а быть может и не грош.

— В чем же дело?

„Золотой мед“ — это большая фильма о беспризорных, в которой главные актеры — беспризорные ребята.

Ленинградская кино-фабрика, которая ставила „Золотой мед“, обыскала все ночлежные дома, рынки и подвалы, где гнездились беспризорные ребята. Режиссеры выбрали нужных им ребят, и работа пошла.

Очень трудно отбить у беспризорных охоту к уличной жизни. Можно ли было надеяться на то чтобы силами беспризорных создать большое и ответственное дело—целую кино-картину?

Ребята были набраны в возрасте от восьми до пятнадцати лет.

Трудновато было вначале.

Непривыкшие к труду ребята скандалили, воровали, били стекла, грозили поджогами, часто убегали.

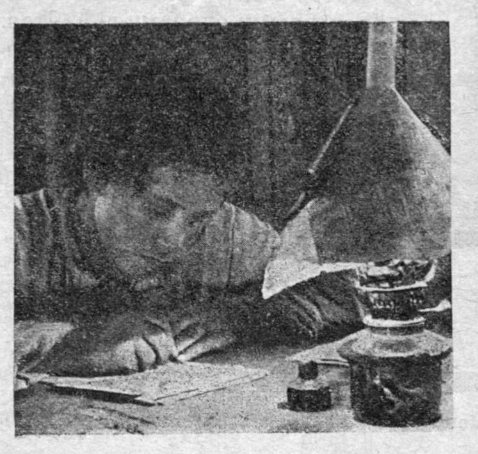
Из-за одного убежавшего пришлось наново снять чуть ли не четверть картины.

Все-таки ребята привыкли. Им понравилась работа, и они снимались в таких условиях, когда взрослые актеры отказывались работать—в дыму, в холоде.

Работа воспитала ребят настолько, что они не только не отказывались от с‘емок, а были очень огорчены, если их не брали на с‘емки.

Случилось так, что для с‘емки части картины пришлось поехать из Ленинграда в Батум, с собой можно было взять из всей труппы только 20 беспризорных.

Семь человек из оставшихся не выдержали и зайцами приехали в Батум.

Беспризорному китайчонку Лиза-юн вздумалось остричь свою шевелюру, в которой он снимался все время. Пришлось заказать специальный парик, в котором Лиза-юн и доснимался.

Картина благополучно снята, беспризорные ребята исправлены спасены от улицы.

Теперь ленинградская фабрика будет выпускать в год три детских фильмы, для которых у нее есть испытанные актеры—бывшие беспризорные.

Для них создана особая киношкола. Там ребят обучают играть и кроме того всем предметам, которым обучают в школе первой ступени.

При кино-фабрике издается стенная газета „Голос Беспризорника“. Редактор стенной газеты—Сашка Баскаков, за которым в прошлом 10 приводов.

Его десять раз приводили в милицию пойманным в каком-нибудь подозрительном деле.

Некоторые ребята на фабрике приучаются и к различным ремеслам—кто помогает плотнику, кто шоферам.

Вся работа над фильмой показала, как отвлечь беспризорных от улицы постоянным и полезным трудом.

Вот поэтому-то мы и решили рассказать о картине „Золотой мед“, еще не видя ее.

Думаем, что читатель не рассердится на нас за это.

ЭЛЕКТРО-ПЬЕСА

УКАЗАНИЯ К ПОСТАНОВКЕ

В № 3 „Пионера" вы, ребята, читали „Электро-пьесу". Для того, чтобы ее легче было бы поставить, редакция печатает указания. При помощи их можно хорошо подготовить опыты, приборы и все нужное для постановки.

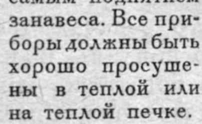
Уже по самому названию вы видите, что пьеса эта техническая, и играть ее могут только технически грамотные актеры. Следовательно, прежде чем ставить пьесу, необходимо по ряду книжек, по хорошим учебникам познакомиться с электростатикой, т.-е. с тем отделом электричества, который заполняет собою этот вечер. Но одного знакомства мало, нужно еще проделать ряд опытов, чтобы твердо усвоить, понять свойства электрического заряда. Эти заряды в спокойном состоянии очень капризны. Они резко отличаются от тех зарядов, которые текут, т.-е. от тока. Это

надо изучить. Четкость опытов по электростатике, если хотите, своего рода экзамен на квалификацию, на звание великого мастера.

Поэтому возьмите книжки, начиная с учебника Цингера, и проделайте не только те опыты, которые нужны для пьесы, но и не вошедшие сюда. Отдайте себе полный отчет в том, что у вас происходит; чего не поймете, спросите сведующих лиц. Монтеры не смогут вам дать раз'яснений по этим вопросам, они не имеют дела с уравновешенными электрическими зарядами. Значит вам придется за этим делом обратиться к специалистам, преподавателям физики и при этом к таким, которые сами много раз проделывали электростатические опыты.

При этой предварительной работе, своего рода стаже, вы узнаете, что непременным, необходимейшим условием для успеха опытов является полное отсутствие влаги, поэтому пьесу можно ставить только в очень сухую погоду—лучшими месяцами для этого являются декабрь, январь, часть февраля и июнь, июль и август в наших широтах. Помещение, в котором будет разыгрываться пьеса, должно быть сухое, лучше с паровым отоплением. Так как от дыхания людей в воздух из легких попадает влага, поэтому публику в зал нужно впускать только перед самым поднятием занавеса. Все приборы должны быть хорошо просушены в теплой или на теплой печке.

Само собою разумеется, что все приборы должны быть построены заранее, выверены и должны хорошо работать. Перед спектаклем необходимо провести ряд репетиций с приборами.

Приборы все располагаются в столе, для чего там делаются полочки; чтобы приборов не было видно зрителю, стол накрывается скатертью.

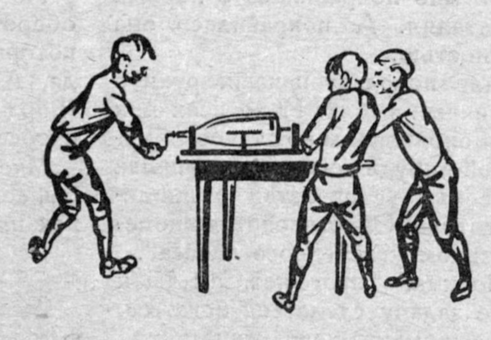
Конечно, ребята на сцене не строят приборов, они только делают вид, что строят и начатые на сцене незаметно заменяют готовыми. Это нужно хорошо срепетировать, чтобы обман не был резко заметным.

При производстве опытов необходимо соблюдение ряда условий.

Опыт 1-й. Гребенка должна быть каучуковой, легко электризующаяся и достаточно большая.

Опыт 2-й. Нитка для электрического маятника должна быть совершенно сухой и чисто шелковой. Если эти условия соблюдены, то маятник работает гораздо отчетливее бузинных шариков.

Опыт 3-й. Для этого опыта берется неизолированная проволока, около 1—1,5

метров длиной, на оба конца ее привязываются, шелковые нитки по 30 см. длиной, и за эти нитки берутся при проведении опыта. Если держать проволоку прямо рукой, то заряды уйдут в землю. Один из актеров подносит один конец проволоки к маятнику, другой держит за шелковинку с другого конца и третий около него касается наэлектризованной гребенкой проволоки.

Опыт 4-й. Для опыта берется обыкновенная нитка около метра длиной и на концы ее привязываются шелковые нитки по 30 см. длиной. Опыт ставится таким же образом. Если нитка уже очень слабо проводит заряды, то можно слегка провести по ней рукой, тогда она от влаги руки будет электропроводнее.

Опыт 5-й. Шелковая нитка обязательно должна быть сухая, в противном случае и она будет пропускать заряды через себя, и опыт, следовательно, не удастся.

Опыт 6-й. Стеклянная палочка для этого опыта должна быть хорошо электризующейся. Может быть вам придется перебрать много трубок и пробирок, пока не найдете нужную. Стекло электризуется лучше всего амальгамированной кожей, для этого возьмите кусок кожи, намажьте ее тонким ровным слоем сала, а на сало вотрите амальгаму Кинмейера (2 части ртути, в которой растворено по одной части цинка и олова). Так как с салом может попасть вода, то кожу следует хорошо просушить, чтобы удалить остатки влаги.

Для успеха опыта лучше достать две гребенки или две стеклянных палочки и одновременно двум актерам заряжать оба маятника.

Опыт 7-й. Маятники электризуются двумя актерами одновременно—один заряжает свой маятник гребенкой, а другой наэлектризованной стеклянной палочкой.

Опыт 8-й. Если удары Лейденской банки будут очень слабы, то их, конечно, волей-неволей придется просто инсценировать, т.-е. делать вид, что больно, если же машина будет хорошо работать, то следует показать искру, для этой цели делается разрядник. Одним концом его прикасаются к внешней обкладке, а другой приближают к проволоке, идущей от внутренней обкладки.

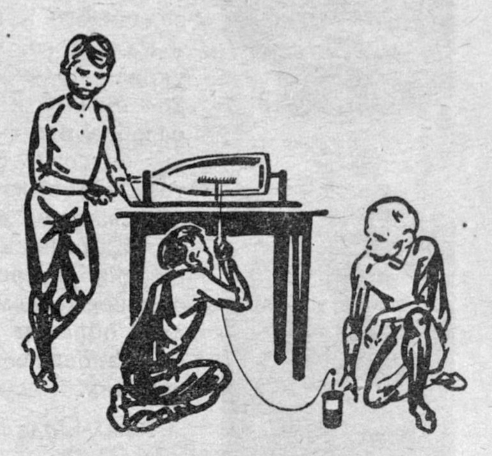
Банка заряжается таким образом: кусочком проволоки соединяют гребенку машины с внутренней обкладкой банки и следят, чтобы эта проволока нигде не касалась каких-нибудь проводников, чтобы заряд не мог утечь в землю, а затем энергично вращают ротор машины.

Опыт 9-й. Проволоку, на которой укреплен султан, соединяют небольшим обрывком проволоки с гребенкой машины и следят за тем, чтобы заряды не ушли в землю.

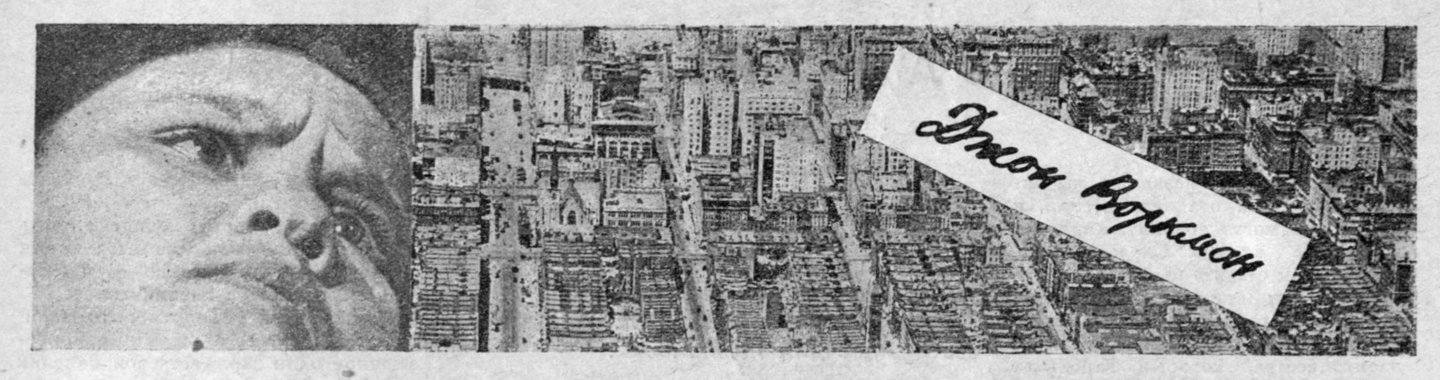
Опыт 10-й. Прибор проволокой соединяется с гребенкой машины, и последняя приводится в действие. Затем через некоторое время другой актер приближает медленно руку к стеклянному баллончику лампочки, и он постепенно освещается зеленоватым сиянием.

Для увеличения эффекта к лампочке можно поднести конец заземленного провода, тогда сияние усиливается. Обычно, этот опыт удается со средне работающей машиной.

По окончании спектакля, после перерыва, следует снова открыть занавес, показать

приборы зрителям и об'яснить их действие и подробно рассказать их устройство. Хорошо при этом показать и те материалы, то сырье, из которого они сделаны, чтобы пробудить интерес в зрителях и побудить их сделать дома такие же приборы. Эта часть будет не менее интересна, чем самый спектакль, если в эту беседу втянуть и всю аудиторию. Эту часть, само собой разумеется, может провести только такой человек, который хорошо знаком с этим делом и сам много раз делал опыты.

ОТЗЫВЫ О ПОВЕСТИ „ДЖОН ВОРКМАН“

Полгода печаталась в „Пионере“ повесть Ганса Доминик „Джон Воркман“. Редакция попросила читателей журнала написать свои отзывы о повести. Отзывов пришло так много, что все их напечатать никак нельзя. Места нехватит. Но работа читателей, чьи отзывы не напечатаны, не пропала даром. Отзывы читателей приносят большую пользу журналу и помогают ему правильно вести работу. Редакция очень благодарит всех ребят, приславших отзывы.

Мало кто знает, что негодяя Джона Воркмана писатель Доминик считает очень хорошим человеком. Доминик буржуазный писатель, и все, что мы считаем плохим в действиях Джона Воркмана, он считает хорошим и похвальным. Повесть пришлось сильно переделать, она от этого не только ничего не потеряла, а стала много лучше. Эту переработку проделал переводчик т. М. Гершензон.

РЕДАКЦИЯ

Эта повесть мне понравилась с первых дней ее печатания. А понравилась она своей жизненностью.

Сколько книг попадает в наши руки о жизни заграничных ребят. И во всех них содержание приблизительно такое: хулиган или какой-нибудь негодяй-мальчишка из рабочей семьи встречается с пионерами, и уже готово! Он становится пионером и защитником угнетенного класса“.

В „Джоне Воркмане“ этого нет. Сам Джон поставил себе задачу сделаться богатым. И во всей повести мы за исполнением этой задачи его и видим.

Ради того, чтобы выйти в люди, Джон украл у больного товарища рекомендательное письмо к Гарриману, он не пытается разоблачить фальшиво созданную ему славу, он создает себе нелюбовь газетчиков тем, что выкачивает у них доход своим общежитием, он выдает почти обугленного. Сама полиции, он становится в ряды штрейкбрехеров, он выступает с подлым опровержением писателя Синклера, он подлым образом одурачил Форда. Наконец, он становится „Стрэнглером“—душителем рабочих.

Л. Блауштейн

Кзыл-Орда

* * *

С неослабеваемым интересом я читал роман Доминика — „Джон Воркман“. Он был для меня интересен тем, что я узнал массу технических, научных и политических вещей, тем, что я воспринял тот грандиозный технический размах, который существует в Америке, в этой стране „дела“. Невольно, когда читаешь, в тебе пробуждается любовь к творчеству, желание строить, узнавать, и появляется энергия.

Но вместе с тем я представил себе и оборотную сторону медали—ужасный гнет, который царит на конвейере фабрик Форда, Армора и др. Если каждые 12 секунд Форд выпускает авто, то зато в 12 раз скорее рабочий выйдет из строя.

Мне становится ясно, как хорошо было бы, если бы все эти богатства были в руках пролетариата.

М. Баш

* * *

Рассказ „Джон Воркман“ по содержанию интересен. Я все время с нетерпением ждал выхода номера. Рассказ, главным образом, ценен тем, что освещает, кого может выковать „свободная“ Америка из того, кто попал в цепкие лапы ее ядовитого капитала. В рассказе „Джон Воркман“ рисуется Америка, с ее техникой, капитализмом, который нещадно эксплоатирует рабочих; описывается бурлящая американская жизнь, где дорога каждая секунда, громадные фабрики, механизация труда и положение рабочих.

Почему Джон Воркман избрал путь наживы, а не путь борьбы? По-моему, потому, что с началом его трудовой жизни на него повлиял большой город, американское богатство, которое он предпочел жизни газетчика, а главной причиной было письмо Чарли, на котором Джон Воркман построил всю свою карьеру. Будучи настоящим американцем, Джон Воркман, приняв решение быть миллионером, уверенно пошел к намеченной цели и не сбился с пути, решаясь на подлости и предательства. В рассказе Джон обрисован умным, энергичным, смелым и чрезвычайно предприимчивым человеком. Наряду с этими качествами—он страшный

эгоист, способный ради собственного благополучия на всевозможные подлости. Он предает товарища, срывает забастовку рабочих, опровергает правду гнусной действительности Арморовских заводов и, наконец, становится эксплоататором рабочих,—это все его заслуги, благодаря которым он из трущобы, от тяжелой жизни газетчика поднялся до мира, где царят Арморы, Беннеты и Форды...

Вся повесть „Джон Воркман" богата живыми картинками, сценками, интересными приключениями. Из этой повести, не прибегая к сухим учебникам, можно кратко ознакомиться с нравами американцев, промышленностью и сельским хозяйством, которые подняты в Америке на большую высоту. В целом рассказ очень полезен и интересен.

В. Бессонов

* * *

Повесть Ганса Доминик — очень хорошее, интересное и полезное произведение. Таково мое мнение.

Ганс Доминик дает нам современную Америку — страну доллара и жесточайшего угнетения рабочих. С одной стороны, широкий размах промышленности, с другой—страшная эксплоатация труда, какую мы видим на Арморовских заводах.

Бегущие ноги Джона Воркмана

Читая то место повести, где описывается работа Джона на ферме, невольно напрашивается сравнение нашего сельского хозяйства с американским. Большое впечатление оставляет после себя описание таких громадных предприятий, как „Нью-Йоркский Геральд", заводы Армора и Форда. Особенно понравилось мне описание системы Тэйлора на заводах Форда.

Яркий пример того, как умеют зарабатывать деньги в Америке, мы имеем в лице Джона Воркмана. Герой повести — Джон Воркман—обрисован по-моему, хорошо и ясно. Он—настоящий американец, деловой и расчетливый. Вся его натура пропитана жаждой денег, завистью к людям, обладающим капиталом, предприятиями. Цель его жизни—сделаться таким же, как Беннет, Армор и т. д., и к этому он стремится, не брезгуя никакими средствами — грязными и подлыми. Я вполне согласен с Томом, когда он презрительно отдергивает свою руку от Джона и говорит: „Боюсь, замараешься".

По-моему, печатание в журнале больших произведений увеличивает интерес к нему тем более, если печатается такая интересная повесть, как „Джон Воркман". С получением номера я первым делом брался за повесть Ганса Доминик и, только прочитав ее, обращался к другим статьям.

В. Егоров

РЕДКОЛЛЕГИЯ. Изд. № 2605 **Отв. редактор** *Н. СЛЕПНЕВ*

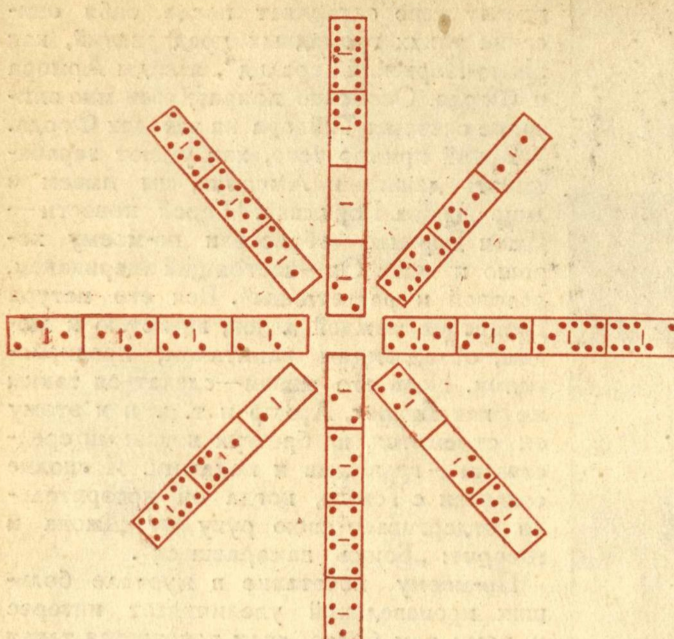
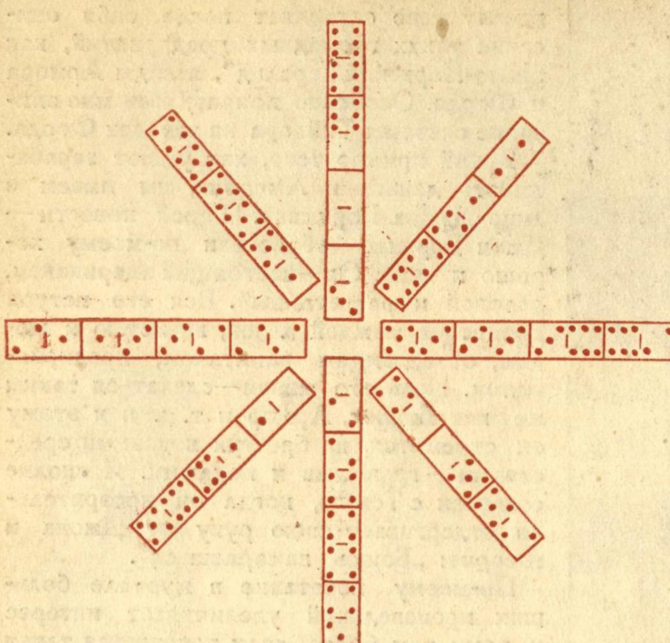
Москва. Главлит А 9920. 16-я типография „Мосполиграф", Трехпрудный, 9. Тираж 28.500

8902

Цена 20 коп.

ОТГАДАЙ

ЗВЕЗДА-ДОМИНО № 6

Данная звезда составлена из 28 костей домино по правилам игры, т.-е. очки двух соседних костей одни и те же. Предлагается, не нарушая рисунка звезды, переложить кости так, чтобы сумма очков каждого луча равнялась 21, чтобы были соблюдены вышеуказанные правила игры и чтобы очки, расположенные вокруг центра, были: 1, 2, 3, 4, 5 и 6 и 2 пустышки.

ЗАДАЧА № 10

Взяв от названия каждого из нарисованных здесь предметов по одной букве, составьте из этих букв фамилию одного из славных вождей.

ШАРАДА № 7

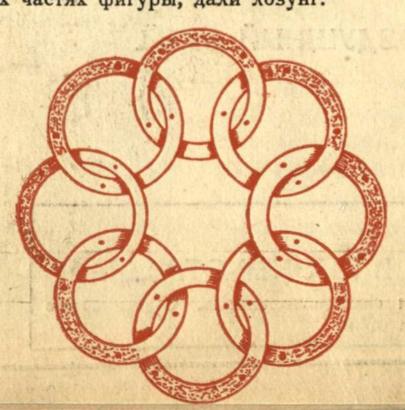
(В. Щекина)

Коль проникли вы во двор,
В ворота иль через забор,—
Все равно злой пес у нас
Встретит первым словом вас.
Если очень много круп
Положила баба в суп,
Недовольные стряпней
Вы ей скажете второй.
Оба слова тут, как тут,
К концу лета к нам идут.
Всполошится детвора,
Скажет: в школу нам пора.

ЗАДАЧА КОЛЕЦ № 8

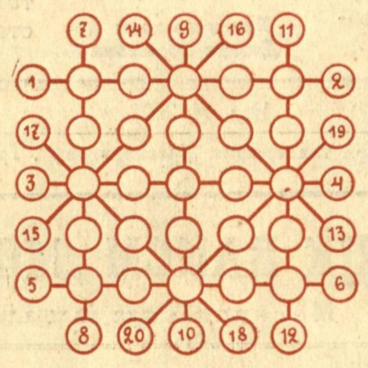
(По теме Г. Тазенкова, Дубровский поселок)

Предлагается из букв русской азбуки составить 8 четырехбуквенных слов следующих значений: 1) река, 2) порода собаки, 3) паровое растение, 4) женское имя, 5) род тонкой материи, 6) род перевязочного материала, 7) огнестрельный снаряд, 8) часть тела. Найденные слова расставить по порядку на местах точек каждого круга в направлении движения часовой стрелки, затем предлагается перевернуть каждое кольцо вокруг своей оси так, чтобы буквы, стоящие на точках, которые были поставлены в заштрихованных частях фигуры, дали лозунг.

МАГИЧЕСКАЯ ФИГУРА № 9

(Тема Г. Тазенкова, Дубровский поселок)

Даны буквы: 5а, 4б, 2в, 1г, 3з, 1и, 4к, 3л, 2н, 3о, 2п, 2р, 3с, 1т, 1у, 1ц, 1ш, 1ы, 1ь, 1я. Предлагается расставить их в кружках данной фигуры так, чтобы по направлениям, указанным линиями, получились слова, сходные по значениям со следующими: 1—2—род паровой машины, 3—4—город СССР, 5—6—часть обуви, 7—8—род полоски, 9—10—морское сооружение, 11—12—хозяйственная принадлежность, 13—14—то, что есть у каждого нормального человека, 15—16—род изгороди, 17—18—птица, 19—20—часть экипажа.

ЗАДАЧА БУКВ № 11

(И. Вула, Белая Церковь)

В данной фигуре переставить буквы так, чтобы в каждом горизонтальном ряду получилось слово, а в средней вертикальной линии название будущего защитника СССР.

	А	А	А	А	А	
	А	А	Б	Г	Д	
Е	И	К	К	К	Л	Л
М	М	Н	Н	О	О	О
	О	П	П	П	Р	
	Р	Т	Х	Х	Я	

РЕБУС № 12

(Э. Вернаховский, г. Бобруйск)

Ходом шахматного коня прочитать ребус.

